Николай Ольков

Птица, залетевшая в окно,

и другие романы

Николай Ольков

«Птица, залетевшая в окно» и другие романы

«Инфра-Инженерия»

2021

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2=411.2)6

Ольков Н. М.

«Птица, залетевшая в окно» и другие романы / Н. М. Ольков — «Инфра-Инженерия», 2021

ISBN 978-5-9729-5015-7

Книгу открывает статья белорусского критика Людмилы Воробьевой «Одухотворенная земля Сибирская» о «Сибирском романе Николая Олькова» в пяти книгах (Барнаул, 2020). В сборник вошли три повести известного русского писателя Николая Олькова. Разные по времени написания, они объединены судьбами сибирского крестьянства в XX и начале XXI века. В романе «И ныне и присно» вслед за главным героем читатель пройдет по России от дворца Николая Второго в Царском селе до его последнего пристанища на Волчьей горе. Через всю многострадальную жизнь он пронесет образ своей юношеской влюбленности – Великой Княжны Анастасии. «Птица, залетевшая в окно» рассказывает о человеке, побывавшем на самом дне трагической пропасти алкоголизма. Бывший большим начальником и уважаемым человеком, он почти гибнет и спасен только любовью. Автор безжалостно рисует это падение, его не смущает, что тема вроде сегодня никого не волнует. Но она страшна своей повседневностью и повсеместностью. Герой романа «Хлеб наш насущный» на глазах читателя вырастает из громкого героя лихих девяностых в эффективного предпринимателя, понявшего на пике благополучия: самое важное, что он должен сделать – вернуть жизнь родному селу, своим землякам. И он приходит со своим капиталом, превращая его в урожайное поле, красивое село, в радость и благодарность народа.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9729-5015-7

© Ольков Н. М., 2021
© Инфра-Инженерия, 2021

Содержание

Людмила Воробьёва. Одухотворённая земля Сибирская 7
Самый хлебный дождь 10
Сибирская вольница и новая власть 16
«На себя вызывает огонь…» 20
«Ах, Сибирь, тоска и радость моя…» 27
«Хлеб на каждый день. И на всю жизнь» 31
И ныне и присно 35
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Николай Максимович Ольков «Птица, залетевшая в окно» и другие романы

© Ольков Н. М., 2021
© Издательство «Родники», 2021
© Оформление. Издательство «Родники», 2021

Людмила Воробьёва. Одухотворённая земля Сибирская

О, сколько ты в себя вместила!.. И почернелые избушки, И тихие разливы вод, И деревенские церквушки, И многостраждущий народ.
Иеромонах Роман, «Росія»

Людмила Воробьёва

Член Союза писателей Беларуси, автор нескольких книг критики, лауреат десятка Международных литературных премий. Живет в Минске

Крестьянин и земля, хлеб и воля – корни русской традиции в «Сибирском романе Николая Олькова» в пяти книгах.

Барнаул: «Новый формат», 2020

«Землю, как мать, не забудешь надолго», – немногословно высказывался М. Горький, хорошо зная врождённую тягу русского человека к земле. Современная словесность имеет свойство уводить читателя в иную реальность бытия, наполненную летучестью земного существования, далёкого от русской традиции, не говоря уже о создании глобального произведения, отражающего историю России, её неразрывную связь с крестьянскими корнями. Сегодня, пожалуй, наибольшее возмущение вызывает то, что происходит именно с землёй, с крестьянами, – настоящее общее горе. Находясь в своих перенаселённых мегаполисах, мы забываем, что деревенские люди в отличие от нас живут на земле. Как забываем и о том, что крестьянский труд – самый необходимый и справедливый.

Создать в наше непростое время роман, включающий пять книг, по сути, более чем вековую летопись жизни российской деревни, причем в самые её переломные исторические моменты, – событие достаточно крупное для современной литературы.

Однажды каждый век отечественной словесности обязательно разливается мощным половодьем эпохального произведения. Таковым по праву можно считать и «Сибирский роман» Николая Олькова. Юбилейная дата – 75-летие русского писателя – даёт важное основание в очередной раз вернуться к его творчеству, ещё раз, возможно, под новым углом зрения взглянуть на его прозу, сказать о его самобытных писательских качествах, отметить присущее ему благородство, душевную деликатность, чувство справедливости и всечеловечности.

Николай Ольков постоянно ищет необходимую для художника меру ясности и правды. Поистине поражает постановка социальных задач, которые он поднимает в своём многогранном романе, их по-шолоховски надмирное, национальное соединение с духом лиризма и поэтикой народного языка, с эпическим размахом, наполненным социальной борьбой, с темой рождения нового общества в муках и боли, в потерях и надеждах, проникнутой настоящим трагическим эпосом – трагическим свидетельством эпохи социалистического строя. То, что глубоко национально, именно то и является всечеловеческим. Здесь автор подключает свою совесть, своё понимание справедливости и честности к писательской этике и морали, что порой далеко не всем приходится по нраву и вкусу. Не секрет, народ и власть нынче существуют параллельно. Однако при всех ситуациях русский народ никогда не отрекается от отчих корней, а живёт и продолжает трудиться на земле.

Чтение «Сибирского романа» подкупает тематической глубиной разработки, простым, доступным изложением художественного текста. Перед нами – прекрасная, написанная сильной и уверенной рукой проза, заключающая в себе великую традицию понимания минувшего времени, способного воскресать в продолжении нашей жизни, когда предстаёт целая историческая ретроспектива поколений: переселенцы, повстанцы, кулаки, советские труженики колхозов, новые русские фермеры, возрождающие землю, уставшую от «травы забвения»,

заждавшуюся цветущего колоса, хлебного, насущного, всегда нелёгкого, но и радостного для крестьянских натруженных рук. «То есть, сама судьба у Николая Олькова сложилась так, что для неё он стал не только одним из наиболее значительных прозаиков и лауреатом писательской премии Союза писателей России «Имперская культура», а и тем человеком, слово которого заслуживает нашего самого пристального читательского внимания», – искренне, точно сказал о нём главный редактор газеты Союза писателей России «Российский писатель» Николай Дорошенко.

Вологодская Вытегра – историческая родина Николая Олькова, предки его в начале XVIII века подались с берегов Онежского озера, какое за свою величину недаром называют морем, в Сибирь и основали его родное село (ныне) Афонькино. Вытегра – районный центр, имеющий прямое отношение к ежегодным вологодским Беловским чтениям, там же есть и село Ольково. Примечательно, что из городка в десять тысяч жителей в советское время вышли шесть Адмиралов ВМФ СССР.

Николай Ольков был учителем, корреспондентом, редактором в районных и областных газетах Северного Казахстана, Омской и Тюменской областей, заведовал районным отделом культуры, занимался предпринимательской деятельностью. Жизнь и судьба писателя всегда были неразрывно связаны с этими местами: сегодня он живёт в селе Бердюжье Тюменской области, где построил церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Он является автором десятков книг романов, повестей, рассказов, более 25 книг публицистических и краеведческих очерков. Если избирательно бросить взгляд на русскую прозу XXI века, то в литературном современном процессе Сибири личность Николая Олькова высвечивается как знаковая фигура писателя третьего тысячелетия, твёрдо придерживающегося русской православной традиции, её глубокой нравственности, того, что дано ему от земли, от кровных истоков. При этом во всём чувствуется присутствие скрытого духовного взора писателя, проникающего в его корневую систему, в свой род. Ведь корни человека – это не только земля, на которой он родился. Но это ещё и нравы, устои народа, это жизненное устроение его отцов, дедов и прадедов. Это то, к чему человек должен испытывать неизбывно благодарность и уважение.

Жизнеобразующая канва, соединяющая все произведения в «Сибирском романе», включает множество различных исторических персонажей, представляющих моральную цельность народного характера – яркую полихронию образов и великую полифонию жизни русского народа, неотделимую от национальной судьбы России. Автор погружается в стихию материала, проникает в сущность происходящего, когда сами образы словно вырастают из реальной почвы бытия. На первый план выходит характер конфликта, угол зрения, психологичность ситуации, когда художник подключает все возможные резервы слова, которые в народе поистине неисчерпаемы, являя читателю его эмоциональную выразительность, стилистическую точность слова, взятого из самих недр народной речи, из её глубинно-сущностных родников. Отсюда очевидна и вся богатейшая сокровищница писательского творчества Н. Олькова, выдерживающая сравнение с классическими работами В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, Е. Носова, творчество их и сейчас излучает тихий внутренний свет, какой есть только в русской природе. Стоит сказать, что Н. Ольков впитал основательные знания деревенской жизни, поэтому прозе его характерна достоверность и открывающая всю пространственную необозримость исторического времени широта изображения. Литературовед Л. Яцкевич, анализируя его произведения, вполне закономерно вписывает их в общий контекст сибирского эпоса XX века. Золотой запас России: Ю. Казаков, В. Распутин, В. Белов, В. Шукшин, О. Куваев, К. Воробьёв – тот бесценный литературный запас, который отличался глубинным идейным содержанием и который оказал своё мощное влияние на творчество Н. Олькова. Главные смыслы у него мастерски впаяны в отточенную художественную форму.

Сибирь, Тюмень, Алтай, Красноярск, Якутск, Омск – «прирастающее богатство России», справедливо считал русский учёный-универсал М. В. Ломоносов. С острой болью писал о про-

блемах русского многострадального народа, о нерушимой целостности страны В. Г. Распутин, все творения которого были обращены к душе русского человека. Убедительное слово известных литераторов имело колоссальную силу! С. П. Залыгин, В. И. Белов, В. Г. Распутин обратили вспять решение ЦК КПСС о повороте сибирских рек в Среднюю Азию. Крестьянство – хребет нации русского народа, его вековая боль и невысказанная мука – одна из ведущих тем художников эпохи соцреализма. Так, писатель-сибиряк Г. М. Марков – автор эпического повествования «Строговы», «Сибирь», где эпицентром является судьба крестьянской семьи, а его роман «Соль земли» рассказывает о крупных преобразованиях послевоенной Сибири. И прозаик И. М. Ермаков, «князь сибирский», с его самобытным, сочным языком, вероятнее всего, даже ближе Н. Олькову. Нет, мы ещё далеко не осознали, что такое язык нашей деревни. Писатель вслушивается в живую, разговорную речь деревни наших современников. Как потускнел, обеднел народный язык за минувшее столетие. А ведь народная речь питает жизнь и литературу! Она – благодатная почва для прозаиков и поэтов!

Для Николая Олькова духовные ценности общества могут определяться лишь в связи с собственной традицией, выстраданной, пережитой на подлинном материале, на той самой правде жизни, о которой Василий Шукшин говорил, что она и есть нравственная основа творчества. Это – та самая правда, в какой в той или иной степени найдёт своё внутреннее отражение каждый.

Самый хлебный дождь

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Николай Рубцов, «Тихая моя Родина»

…Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход…
Надежда Мирошниченко, «Я им говорила…»

«Сибирский роман Николая Олькова».
Книга первая. «Переселенцы», роман

Незабываема, величественна Сибирь в произведениях В. Иванова, В. Зазубрина, В. Шишкова. Как региональное, так и общенациональное выходит на первый план в творчестве В. Распутина, К. Балкова. «Деревенское направление», которого придерживалась великая троица: В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, а также которому следовали такие писатели, как А. Яшин, Е. Носов, М. Алексеев, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Тендряков, В. Лихоносов, Б. Можаев, С. Залыгин, сближало их всех с народом, их сочувствие, тревога непосредственно передавались и их читателям. Целая философия жизни русской деревни, неповторимая крестьянская ойкумена не отпускает нас и в «Сибирском романе» Н. Олькова. Писатель ведёт обстоятельный, вдумчивый разговор со своим читателем, предлагая ему самую качественную прозу, выверенную, выдержанную по мысли и слову, и, как бы сказали в стародавние времена, неторопкую по манере изложения, неспешную.

В романе Н. Олькова присутствует свой особый краеведческий подход к этой извечной русской теме: на примере истории жизни двух губерний, двух крестьянских семей автор показывает предреволюционную ситуацию в России, раскрывает суть Столыпинской реформы, решительно нацеленной поднять экономику и сельское хозяйство, тем самым окончательно ликвидировать волну террора и народного недовольства, захлестнувшую страну, вовлекает в мир крестьянского быта, не отделяя его от остальной напряжённой жизни Российской империи.

Книга «Переселенцы» начинается с повествования о хлебной Тобольской губернии Сибири, где живёт и трудится на своей собственной земле Антон Николаевич Вазгустов, владелец крепкого многоукладного хозяйства, что досталось ему от деда и отца. «Разнообразна и размеренна крестьянская жизнь, у каждого времени свои заботы. Зима дозволяет и отдохнуть, и в гости сходить, и за столом посидеть, только большое хозяйство долго лежать не велит», – всё налажено у хорошего и заботливого хозяина, и мы буквально с первых строк с интересом вчитываемся в текст, всё у него есть сполна: и «коровы все пять тяжёлые», и «кобылицы, тоже три на сносях», и овечки с будущим скорым приплодом – вот, она радостная минута бытия! Испокон веку деревенский дом – хранитель устоев и традиций. «Изба – святилище земли…» – писал о ней, как о живом существе, друг и учитель С. Есенина поэт Н. Клюев, родина которого, так же как и предков Н. Олькова, – знаменитая Вытегра.

У Антона Вазгустова – «дом крестовой, с просторной прихожей, кутью, горницей и опочивальней», – подробно, с любовью описывает автор крестьянский быт, что невольно хочется заглянуть в Толковый словарь живого великорусского языка неутомимого собирателя русских слов Владимира Даля: Куть – задний, бабий, второй (по старшинству) угол в избе, кут. Мы

ещё не раз откроем это уникальное сокровище казака Луганского! Проникаешься писательской чуткостью к деревенскому языку, в котором живут россыпи золотого народного слова, обращаясь и к роману Н. Олькова. Крестьянская речь – нечто душевно-точное, ведь русские классики благоговели перед крестьянской речью. Предостаточно найдём мы в книге и предметных, бытовых деталей, когда автор рассказывает о сибирской общине, которая решала важные вопросы деревенской жизни, в том числе строительства новых домов и «пристроя к дому». Община имела старосту, писаря, звала общество на сходы, народ при таком разумном управлении всё решал самостоятельно, зная наверняка, что ему необходимо. А нынче кто-то спрашивает народ? – вдруг возникнет мимолётный вопрос, заведомо повисающий в воздухе.

«Вазгустовы, иных таких нет», – может смело сказать о себе сибирский мужик. Недаром он на большой Никольской ярмарке, торгуя свиным салом «самого высокого качества», «сорвал солидный куш». Самобытность русского уклада автор колоритно живописует, перенося читателя на Никольскую и Шадринскую ярмарки. Несказанное удовольствие читать подобную книгу, смакуя массу разных неожиданных, дорогих русскому человеку подробностей, присущих всевозможным вещам и предметам, где никогда не бывает мелочей, где ничего не может наскучить. «Вся базарная площадь в уезде превратится в огромный стан, цыганский табор: сотни саней, груженых рыбой, мясом, шкурами, да и готовым товаром: пимами катаными, полушубками и тулупами, сапогами на собачьем меху», – это лишь небольшая выдержка из всего описания столь захватывающего красочного действа, когда голова идёт кругом от одних только продуктовых рядов, не говоря уже об смекалистых уральских самородках – «мастеровых людях», об умелой и бойкой торговле скотом и всякой живностью… Тут во всей своей красе налицо и народные характеры, для каких у художника тоже припасены и свои краски, и свой колорит, и своя интонация, выделяющая особенности родного сибирского характера.

Вторая линия в книге «Переселенцы», что выстраивается параллельно линии Тобольской губернии, – это история Саратовской губернии, а вместе с ней и история жизни семьи другого крестьянского хозяина Никиты Артемовича Забелина. Ниточка человеческой судьбы нежданно-негаданно, благодаря сыну Игнату, «солдату служивому», нёсшему службу в Сибири и полюбившему дочь Антона Вазгустова Матрёнушку, пока ещё издалека, но уже сплетает будущее полотно жизни семьи Забелиных. Абсолютно противоположная картина, удручающая постоянными «нуждой и тяготами», «унылым запахом бедности», открывается читателю, когда он знакомится с хозяйством Никиты Забелина. Отнюдь неслучайно зреет в его исстрадавшейся душе «тяга к иной жизни, более справедливой и наполненной достатком», и всё неотступнее с каждым днём одолевают его думы о переселении в Сибирь, заставляя быть собранным, сосредоточенным в мыслях и поступках. Не зря же польский шляхтич Казимир, социалист, пытавшийся взорвать самого Столыпина и сосланный на поселение в Сибирь, – сквозной персонаж в книге – поражён богатством этого края, его благодатными землями. «А там голод постоянный, ситный хлеб кушают немногие, да и ржаного не досыта», – рассказывает он о Северной и Центральной частях России, заведомо подогревая раздор в настроениях сибиряков, относительно переселенцев, внося смуту в их умы и сердца. Поэтому и Антон Вазгустов поначалу приходит к решению – «никаких поселенцев», лишь община должна остаться навсегда. «…чужие люди в твоём дворе – добра не жди…» – убеждён он, отметим здесь существенную деталь, сознательно отделяя Сибирь от остальной Расеи, так тогда называли они Россию-матушку. Далее в своём «Сибирском романе» Николай Ольков неоднократно подчеркнет причину столь существенной разницы.

Центральная фигура повествования – это личность Петра Аркадьевича Столыпина, к ней, словно к краеугольному камню, ручейками стекаются самые разные человеческие судьбы, как-то случайно, тайно связанные между собой и соединяющиеся в единый мощный поток, – личность яркая и вместе с тем достаточно противоречивая, неординарная, если оценивать,

как это талантливо делает Н. Ольков, соотношение личности, истории, духовности и бытия. Именно Саратовская губерния в первую очередь связана с его деятельностью во главе Российского правительства. В книге «Переселенцы» немало говорится о преобразованиях Столыпина, проводимых им в аграрном вопросе, поясняется суть экономических преобразований и земельных реформ, выпавших на долю русского народа. Даёт автор и чёткую характеристику той сложной политической ситуации, вызванной Японской войной, частыми неурожаями, когда террор был на невиданном подъёме. «Россия тяжело несла себя через начало века», – разве не пророчески звучат в романе слова писателя, мысленно возвращающие нас и к началу XXI века?

«Бедность и нищета в селениях и деревнях саратовской земли» вызывали у Столыпина горькие чувства, только от одного страшного вида деревенских торговцев, «убогости товаров», выставленных ими на продажу, он приходил в ужас. Вспомним сибирские ярмарки и сибирского торговца – огромная пропасть, будто два мира и две отдельные страны. «За что воевать? <…> «Земли своей нет, хлеба нет. Откуда взяться патриотизму?» – вполне справедливо рассуждал он, будучи в то же время сторонником жёсткого управления, считая, что должен, чего бы это ему ни стоило, пусть даже жизни, – «несокрушимо навести порядок». Приняв Саратовскую губернию, Столыпин затем возглавит Министерство Внутренних Дел. Как крупный государственный деятель, он хорошо понимал «необходимость очень болезненных изменений в экономической политике и мироустройстве», видел, что «народ не желает жить по-старому», что «государство не вполне управляет страной», что только «глубокие реформы способны сшевелить общество и двинуть Россию вперёд», что победа над революцией «основывается не на физической силе, а на силе духовной». Думая о великом предназначении России, реформируя её, Столыпин хотел создать «сильное духом государство». Так, аграрная проблема должна была решаться путём «установления нового порядка землепользования» и самое существенное – передачи крестьянину определённой части земли «в личную собственность». «Трудолюбивый крестьянин, то есть соль земли русской», освобождался от тисков и получал невиданную доселе возможность «закрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность». Предполагалось увеличить и «товарность крестьянского хозяйства».

«Столыпинский галстук», «столыпинский вагон», который был ещё на очереди, чтобы потом навсегда войти в жизнь и судьбу русского человека, своё суровое действие возымели. Ирония истории, похожая на оживающие мифы и легенды, – не исключение в русской жизни, а история, как известно, имеет свойство не только повторяться, но и мстить. Такие размышления есть и у русского поэта А. Хабарова, заключающиеся в том, что Россию нынешнюю вернули ко времени «столыпинских» реформ. Этакий сценарный копирайт… Россию отправили в своеобразный «круиз», как в его одноимённых стихах, что интересно, – по железной дороге (и как тут не вспомнить Блока, Есенина, Радищева…). Однако в поэтике Хабарова она ассоциируется прежде всего с железнодорожной пересылкой по этапу. И вот «рванули чужие кони»:

Ни разъездов… Сплошная тряска. / Запеваем на стук и стык,
В каждом слове – слеза да сказка, / В каждом стыке —
осьмой тупик…
И несемся меж звездной сыпи, / В черном дыме и в скрипе лет.
Это что ж за вагон? / – «Столыпин»! – / Пьяный стрелочник крикнет
вслед…

И вот уже почти сто лет нас трясет на этих стыках. А что нашли – «осьмой тупик»? Пресловутую свободу? Парадоксы той же истории, то, за что боролся народ, он так и не получил. Но обратимся к роману, как пишет Н. Ольков: «Судьба хранила Столыпина для более важных

дел и событий…» И он вершил её, несмотря ни на что, без страха идя к своей цели. Между тем экономическое и военное положение страны накануне войны было таковым: с 1885 года Россия занимает первое место в мире по темпам роста экономики – высокая степень концентрации в русской промышленности сочеталась с передовой технологией. Современный писатель, публицист Д. Дарин в очерке «Лицо России не тени, а синяки» отмечает суть «столыпинских» реформ, подводя их итоги: «Избыток хлеба в 1916 году составлял 1 млрд пудов. И это за восемь лет действия реформы, а Столыпин просил двадцать мирных лет, заявляя, что тогда «вы не узнаете нынешней России». Напрашиваются аналогии с Россией сегодняшней, ведь после развала Державы прошло тридцать лет, а выводы неутешительные. Мы до сих пор помним слова Петра Столыпина, активного государственного деятеля Российской империи, обладавшего бесстрашным характером, слова, ставшие крылатыми, сказанные им в 1907 году, в конце первой революции: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Видимо, всё так и было бы, но история, как принято считать, не допускает сослагательного наклонения, может, поэтому для истории, как и для литературы, в конечном итоге более ценна правда о человеке.

Идея служения человеку, правде жизни в высоком значении понимания этого слова является первоосновой и для художественной прозы Н. Олькова. При всей его симпатии и предпочтении к сибирскому мужику, который исторически никогда не знал крепостного права, помещиков, и обладал в отличие от мужика срединной России, знавшего постоянное притеснение и угнетение, совершенно иной психологией свободного, сытого, уверенного в себе и в завтрашнем дне крестьянина, преданного своей общине. Писатель, надо отдать ему должное, сочувствует, сострадает в равной степени и тем и другим, и зажиточным и бедным, стараясь объективно рассудить каждого, и правого и виноватого. Добровольная основа, положенная во главу угла аграрной реформы, вывела мужика «из многовековой спячки», что стало началом движения малоземельных крестьян Центральной России в Сибирь. Однако голод по-прежнему оставался самой неизлечимой болезнью России.

Причиной этому, как ни странно, была и природа, которая предчувствует внутреннее состояние людей и вызывает определённые ассоциации, от её непредсказуемой стихии порой зависит урожай, она либо способствует решению человека, либо окончательно его останавливает. В. Закруткин некогда писал: «Земля же, как это всегда было, жила по своим, независимым от людей законам, и в ней тоже непрерывно, то тайно, то явно, происходят могучие процессы, перед которыми были бессильны разрозненные, враждующие между собой люди». Природа может вступать и в явное противоборство с человеком, и далеко не всегда из этой неравной борьбы он выходит победителем. «Лето того года стало жестокой страницей в жизни крестьянина Никиты Забелина, за всё лето не выпало ни одного настоящего дождя… <…> Никита едва сдерживал слезы… <…> За неделю обмолотили рожь и просо, свезли в амбар. И без меры видел хозяин, что не только до новины не дожить – до Пасхи дай бог», – такова удручающая атмосфера жизни семьи Забелиных, психологически достоверно переданная в романе «Переселенцы. «Крестьяне имеют переменную душу от погоды, природы, от ветров и потоков», – так же тонко ощущал дыхание природы и тесную связь человека с ней А. Платонов. Неоднократно в романе в самые решающие моменты человеческого бытия обращается к природным истокам и Н. Ольков.

Утешает лишь то, что всегда во спасение человеку остаётся надежда: Никита Забелин окончательно осознал, что единственно правильный выход – переселение и «начал собираться в Сибирь». На первой же встрече переселенцев с сибиряками он трагически погибает, столкнувшись с непреодолимым противостоянием, потому как не хотели сразу зажиточные крестьяне принимать «нищету из Расеи», не желали идти на передел разработанных своими же руками пахотных земель. Стремительно разрушались на их глазах старые основы общины. Сибирский мужик был опасен, независим и самостоятелен, бурлила в его крови ещё со времён

царицы Екатерины лихая вольница. Несмотря на стихийные протесты, тот же Антон Вазгустов внутренне готов изменить принятое им радикальное решение и пойти на компромисс, возглавив стихийный штаб помощи и поддержки переселенцев. Ведь главное для русского человека – сохранить мир в душе, самое ценное – кровная соприродность земле, – то, на чём стоит вера православная. Крестьянин должен с приходом новой весны сеять, а не предаваться праздным мыслям, а тем паче воевать друг с другом. Духовное равновесие – дороже всего. «Революция – дело богопротивное, потому православный человек никогда супротив Государя руки не поднимет», – так отвечал сибирский священник ссыльному поляку Казимиру, яростно призывающему мужика к мятежу.

«Весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание, и является она всякий раз поразному, одна на другую не похожа», – крестьянин всегда живёт в преддверии наступления весны, будущего сева, целительной весенней влаги, и «долгожданных дождей», чтобы «зёрнышко напитать и колос вырастить», и «в великих раздумьях и сомнениях» он, как «глубоко заборонить семя», «или чуть только притрусить землицей», как спасти его от изнурительной засухи. Извечные тревоги, муки и радости тяжёлого крестьянского труда, в котором нет и следа обыденной мимолётности, за который болит душа и у автора, ведь мало для него написать роман, он сам участник всех происходящих событий с его героями, он с ними рядом, и в поле, и на веселье, он всегда здесь, на родной сибирской земле. Отрадно, что за простоватой повседневностью, – это и есть его непреходящее, вневременное – его слова красоты и истины – всё то, что досталось ему от родной земли. Земля для него – нечто живое, нечто большее, чем данная реальность, она вечна и навсегда. Бунин в рассказе «Золотое дно» находит потрясающее определение: «Ведь земля-то сущее золотое дно».

Русская литература вобрала в себя глубины национального духовного опыта, непреложно сохраняющего верность нашим традициям. «Мать земля – это прежде всего чёрное, рождённое лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный её эпитет «мать земля сырая»… Но ей же принадлежит и растительный покров, наброшенный на её лоно. Он сообщает её рождающей глубине одеяние софийской красоты… она же является хранительницей нравственного закона – прежде всего закона родовой жизни», – заключал русский историк, философ и литературовед Г. Федотов («Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам»). Органическое единство с «тайнами земли», аналогично равное нравственному— высшему Божественному закону, чувствовал в себе и Г. Успенский. Он считал, если крестьянин своё «крестьянство» забудет, «тогда не будет больше этого народа, тогда не будет больше мировоззрения народа, не будет больше душевной теплоты, которая от него проистекает». «Останется только пустой аппарат пустого человеческого организма», – трудно нынче не согласиться с ним, бесследно то и последующее за ним время для русской многострадальной деревни не прошло, и сегодня мы пожинаем горькие плоды собственного забытья отчих корней. Кроме глухой, внезапно пронзающей боли, равносильной вселенской тоске, когда видишь умирающие деревни нашей современной российской глубинки, ничего иного и нет в душе.

Следуя неизменной логике бытия, с надеждой на лучшее завершает Николай Ольков первую книгу своего «Сибирского романа»: свадьба Игната Забелина и Матрёны Вазгустовой – новая жизнь и рождение новой семья – внутреннее примирение и примирение человека со всем миром. Согласитесь, ведь весна всегда располагает к любви, когда оживает природа, так хочется радости, душевного света. Будет ли Игнат счастливее своего отца? – поверим, что не напрасно Никита Забелин ради лучшей мужицкой доли принял русскую смерть, пришедшую без срока и унёсшую его в своих кровавых потоках. Возможно, в земле и содержится оправдание всех прошлых, нынешних и будущих потерь. И весенняя природа радует открывающееся добру и полнившееся теплотой сердце крестьянина дождиком, «тихим, проникающим, самым хлебным». И надеется Антон Вазгустов на собственные крестьянские руки, которые не боятся труда, и полон непоколебимой веры этот «мужицкий философ», хорошо знающий цельность

и мудрость жизни, а посему, как заключает он вместе с автором, «не должно быть недобрых перемен». Как видим, размышляя сам, Николай Ольков даёт пищу для размышлений и своему читателю, ставя вопросы, не теряющие своей актуальности и остроты на протяжении веков.

Сибирская вольница и новая власть

Что впереди? Победа, конец?
Значит, не зря, объявляя Поход,
Самый горячий крутой жеребец
Под Атаманом копытом бьёт.

Павел Васильев, «Песня о гибели казачьего войска»

Видимо, в каждом веке
Свой сумасшедший год!

Николай Кудашев, «Ледяной поход»

«Сибирский роман Николая Олькова».
Книга вторая. «Гриша Атаманов», повесть

Самые, может быть, любопытные страницы «Сибирского романа» Николая Олькова содержит его вторая книга «Гриша Атаманов», где показана национальная трагедия русского народа, его основной части – крестьянства, едва ли когда-то на своём веку испытавшего столько зла и насилия, трагедия, перерастающая в духовный кризис, который охватил первые годы существования молодого государства. Февраль 1921 года вошёл в советскую историю невиданным крестьянским восстанием, когда сибирские мужики в ответ на продразвёрстку, сравнимую с настоящим «грабежом», резко отличавшуюся от прежнего налога, встали, как бывало в судьбоносные моменты на Руси, всем миром. Но судьба мятежа сложилась трагически.

Однако о печальном – позже. Пока, как говорится, «суд да дело», герой повести Данила Богданович Атаманов основательно обустраивается на новом месте: поначалу переселенец срубил большую избу, затем вырос у него и добротный дом из кирпича. Как «мужик сообразительный», деловой, он сразу выбирает невесту – милую, скромную девушку Веру Тагильцеву. «До глубокого вздоха, до тайной слезы, до боли сердечной рад был жизни Данила Богданович: и с женой ему повезло несказанно, хозяйка, красавица, на ребят плодовита; и дела его выстраиваются в заметное предприятие, вот маслоделательный заводик направит, и на всю жизнь занятие…» – в таком же размеренном, радостно-приподнятом ключе, как течёт жизнь Данилы Атаманова, неторопко льётся и повествование Н. Олькова. Нежная и сильная линия любви пронзает всё пространство книги, она будто по духовному наследству, передаётся от отца к его сыну Григорию, четвёртому, младшему в роду Атамановых, особенно ладному, да и умом, красотой не обделённому. И «вот, какую силу поимел в сибирских краях новый род Атамановых, пять мужиков, пять семейств будет со временем, ничем не пережать и ничем не перекусить наше слово и дело!» – уверен герой Н. Олькова.

Но другая судьба была уготована Григорию Атаманову. Иные планы на сей счёт зрели и в государстве, правду и свободу для сибирского крестьянина отменяющие. Дурные предчувствия одолевали Григория: Первая мировая война, ставшая несчастной и роковой для России, революция, одним словом, неспокойное время выпало на его долю, втянув в водоворот протестных событий, истово разгоравшихся в крестьянской среде. Ему было суждено стать одним из первых действующих лиц Ишимского восстания – командующим Северной Народной армией – чтобы организовать, объединить поднявшихся против власти крестьян. Всему причина – набирающая угрожающие обороты злосчастная продразвёрстка: «цифры доведённого задания, они были страшными», поскольку вступил в силу приказ Ульянова – «вытряхнуть

хлеб из Сибири», хлеб – то единственное, что могло спасти революцию. «Власть себя обнажила», – к такому окончательному неутешительному выводу приходят отец и сын Атамановы. Создаваемые большевиками продотряды безжалостно грабили крестьян, забирая буквально последнее, повсеместно насильно утверждался «язык пролетарской диктатуры». Сибирская вольница заканчивалась! Неспроста отец Григория, двигаясь «к неведомому краю Сибири», и фамилию себе тогда решил взять вольную, свободную, поменяв Чайкина на Атаманова. Автор приводит образное, колоритное сравнение малорусского крестьянина – «убогого, с чёрными руками и согбенным плечом» с сибирским мужиком – сытым, довольным жизнью, успешным, «потому свободным».

Если в природе есть свои незыблемые законы, то для человека этого нет. Власть ни с чем и ни с кем не считалась, руководствуясь лишь принципом: всё «выгребать до донышка». «Видимо, с давних пор увязалась за человечеством примета, что природа всегда опережает крупные перемены и знаменские события, как бы предупреждая человека о неотвратимом, мол, готовься, хотя от тебя уж ничто не зависит», – с тонким психологизмом автор объясняет причину лютых морозов, внезапно и резко ударивших в ту роковую зиму. Не к добру примета. Вот и М. Пришвин, всем своим существом погружаясь в природу, подчёркивал: «Неустройство в природе так действует на душу, что русский человек чувствует себя самого как бы виноватым во всём с виною в душе». Казалось, и природа согласна, что «народ сломлен», бессилен противостоять большевицкому произволу. «Продразвёрстка была исполнена», – врезается в память строка из повести, слова принадлежат Ленину. Эта цитата вождя пролетариата хорошо напоминает другую, ранее претворённую им в жизнь, которая кардинально изменила судьбу Державы, повлияв на дальнейший ход всемирной истории: «Россия завоевана большевиками» (ПСС, т. 36, с. 128). На сей счет напрашивается правомерный и неоспоримый вывод: обычно так говорят о вражеской и чужой стране. Есть над чем задуматься.

Стихия восстания сибирских мужиков выглядела непредсказуемо, и поначалу она развивалась спонтанно. Бунт, расправа, самосуд – ужасная картина, не поддающаяся однозначному пониманию. Пожалуй, это самые мрачные, кровавые моменты в книге, рисующие невыносимые сцены казни, что пугают, вызывают у читателя шок своей обнажённой натуралистичностью: «Весь вечер над деревней висел собачий лай, гремели выстрелы, бабий вой и мужской грубый мат смешались в страшном хоре. Полная луна с испугу прикрылась тучами, белесый туман жутким саваном накрыл землю». Автор вместе со своими героями не только вершит человеческие судьбы, но и думает о природе исторических бедствий, революций, войн, пытается понять причины затаённой ненависти. Главный ужас их даже не в стрельбе, не в голоде. Он в том, что освобождаются доселе скрытые, низменные, человеческие страсти. В людях накапливается огромная концентрация зла. «В народе великая злоба зрела», – говорится в повести. То, что в человеке прежде подавлялось законами, неизбежно выходит наружу. Для многих существуют лишь внешние законы, а внутренних табу у них нет, и когда-то всему этому должен быть выход – наступление всеобщего помутнения разума. Благочестив, но и бессмыслен, беспощаден русский человек. Свои в дикой, неистовой ярости убивали своих же, верша непоправимое. В этой битве победителей не бывает.

В любом случае, Григорий Атаманов горько переживает жестокую смерть отца любимой им девушки. Он знает, что время уходит, а повстанцы не получают должной и обещанной помощи и не в состоянии собственными силами взять железнодорожную станцию Ишим, не могут они захватить и город, чтобы перекрыть большевикам пути поступления хлеба в Москву и в Петроград. Понимая всю обречённость, безысходность, всю дальнейшую трагичность мятежа, автор сочувствует своему герою, сравнивая его состояние с состоянием «обложенного волка», который аналогично чует «неизбежность гибели» и лихорадочно ищет спасения. Григорий вспоминает давнюю охоту с отцом и мужиками на волков: тот взгляд волка ему никогда не забыть – взгляд загнанного матёрого зверя. Особенно тяжело читать финальные

строки повести, когда природа дышит весной, когда торжествует нестерпимо яркий запах воздуха, а Григорий Атаманов готовится к расстрелу, когда так хочется молодому человеку, полному сил и желаний, жить. Но звёзды на весеннем небе решили иначе: не суждено ему никогда увидеть сына, который вот-вот должен появиться на свет.

«Бездонное чистое небо со звёздами. Тёплый ветерок подул из казахских степей, только начало апреля, а уже чувствуется, что весна идёт. Атаманов закрыл глаза, и слеза сверкнула на его щеке в свете восходящего утра…» – и сердце сжимается, и тоже хочется сглотнуть подступающую к горлу слезу… Как коротко пребывание человека на земле, как нестерпимо больно за его жизнь и судьбу! Николай Ольков – мастер создания духовно властных образов. Перед нами – неминуемая смерть героя и вместе с тем, вопреки настойчивому зову смерти, поднимается чувство некоей огромной спокойной силы и надежды, поднимается и начинает расти внутри. Нечто похожее прочитывается и у прозаика Леонида Андреева в финале его рассказа «О семи повешенных» (1908 г.), где смерть продолжает бороться с пробуждающейся жизнью, до последнего надеясь победить её торжество, ещё только набирающее силу: «И так же мягок и пахуч весенний снег, и так же свеж и крепок весенний воздух… Так люди приветствовали восходящее солнце».

Стоит заметить, что где-то суровый и в то же время где-то трепетный писатель Николай Ольков почти виртуозно улавливает нерв создаваемого текста. Он способен заставить читателя не только радоваться, но и страдать, и сопереживать, и способен скупую слезу у него вызвать – некая своего рода проверка на истинность современного творчества, уже достаточно редко чем-либо трогающего наши усталые души. Совершенно иное дело классики, там действуют высшие измерения. «Есть чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно…» – до сих пор остаются пронзительны лермонтовские строки. Именно правда жизни и правда литературы пересекаются и в прозе Николая Олькова, никоим образом не противореча друг другу, а наоборот рождая в его «Сибирском романе» это святое зерно всеобщей истины, зерно слова и дела, зерно писательского и крестьянского труда.

Продолжает тему народного восстания, народного гнева, кровавого и беспощадного, завершающий книгу рассказ «Повстанец». Весьма необычен в нём ракурс раскрытия происходящей действительности: жизнь сибирского крестьянина, его безысходная трагедия видится здесь глазами деревенского паренька Кольки, который по-своему осмысливает судьбу Демьяна Трушникова, активного зачинщика бунта, казнившего в 1921 году комсомольцев и коммунистов, затем осужденного на 25 лет валить лес. Рассказ имеет сквозную связь, благодаря которой сохраняется единство персонажей, крепость их преемственности. Обращает на себя внимание одна существенная деталь: тайна – то, что крылось под оболочкой, в глубине самой натуры этого, мягко говоря, странноватого повстанца.

Демьян поведал приглянувшемуся мальчишке свою неизбывную боль, рассказал о гибели сына, какому было тогда 15 лет, как нынче и Кольке. Поволжские «инородцы» из продотряда, силой забиравшие наличный хлеб, не пощадили его сына. Охватывает чувство невосполнимой потери, настолько пронзительно автор смог передать горе Демьяна, когда тот после поджога избы, где спали убийцы, возвращается домой: «Оделся, вышел – в морозном воздухе пахло свежестью, ветер уносил запах пожарища в другую сторону. Постоял, стал мёрзнуть, пошёл во двор, где жило его горе», – всего лишь скупой и точный штрих и, кажется, уже навсегда образ готов. Современные писатели этим порядком пренебрегают, когда как прежние писатели относились к подобным деталям с особенным вниманием. Колька слушал этот предельно откровенный рассказ, будучи потрясён до глубины души, до внутреннего катарсиса, что можно вот так просто казнить своих же людей. Тут поражает и монолог самого Трушникова, поднявшегося до философского осмысления жизни: «Вот стал я думать тогда, а что же есть человек? Отчего из-за куска хлеба цельный народ на дыбы поставили?». Власть разделила собственный народ, помогая одним и презирая других. Коммунары, чувствуя поддержку государства, получая от

него технику, деньги, не стремились работать с самоотдачей, а нанимали местных крестьян. Зажиточные же мужики составляли конкуренцию коммунам, потому что у них превалировала, как утверждал В. П. Рябушинский, «выстраданная идея собственности», которую «русский народ никогда больше не отдаст», – делает вывод видный политический деятель в своей статье «Судьбы русского хозяина».

К примеру, у современного писателя А. А. Яшина есть повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, убедительно касаясь и роли коммунаров, которые прибыли в деревню, чтобы организовать передовой колхоз-коммуну, но вместо оного занимались пьянством, грабежом, разбоем, весьма печально закончив это поначалу громкое, многообещающее предприятие новой власти. Замечу, что небольшой рассказ Н. Олькова – сложная по художественному жанру форма – вбирает в себя немало судьбоносных пересечений, сопоставлений, сравнений, из которых и состоит человеческая жизнь. Мы вновь встречаемся с Григорием Атамановым, когда он уже осознаёт всю противоречивость, двусмысленность повстанческого движения: «…много жестокости, чересчур – много», – признаётся он в своих мучительных прозрениях. Задача взять Ишим провалилась, вероятно, в большей степени из-за узости и недалёкости крестьянских взглядов и убеждений, когда все намерения бунта и установления порядка общины заканчивались у себя же в селе, а то, что было за околицей, сибиряков серьёзно не волновало. Вполне закономерно, ведь русский народ отрицательно относился ко всем революциям.

Но как бы там ни было, зло всегда порождает зло. Самосуд и казни, совершаемые повстанцами, не могли принести им душевного покоя и счастья. Убитые и убийцы – их в рассказе не разделить. «После обеда судьи и палачи напились в доску, топя в самогоне страх перед людьми и Богом <…> Свои деревенские казнили других лютой казнью», – где-то бесстрастно, явно скрыв эмоции, пишет автор. Может быть, ошибаюсь, но единственно заслуженная казнь, не вызывающая сожаления, хотя автор этого прямо и не выказывает, – казнь губернского продкомиссара Инденбаума, жестоко разорявшего крестьян. Так или иначе, не пожалел и его повстанец Демьян, не дрогнула уверенная рука сибирского мужика, дескать, знай наших.

Что характерно: похожая мировоззренческая основа трагичности человеческой судьбы, вечных поисков русской правды заложена в последних мыслях главного героя в повести «Гриша Атаманов» и в последних словах другого героя в рассказе «Повстанец», которую едва ли посчитаешь внезапной литературной параллелью. «Помни меня как повстанца, а не как бандита. Прощай», – говорит Кольке, будто исповедуется, Демьян Трушников, тем самым подводя свой итог восстанию сибирских крестьян. Невольно всплывают в памяти слова русского святого, преподобного Серафима Саровского: «Мир между людьми начинается с мира в человеке». Но как нелегко утвердить мир и сохранить его в себе, как мучительно человек приходит к очевидным и простым истинам. Исходя из всего имперского могущества Руси, из всего духовного прошлого русского народа, писатель Борис Зайцев мудро считал, что «истинная Россия есть страна милости, а не ненависти».

«На себя вызывает огонь…»

Славя крест, имущество славя,
Проклиная безверья срам,
Волны медные православья
Тяжко катятся по вечерам
<…>
И сказал Евстигней: / – Разлука
С прежним хуже копылий, ям,
И с хозяйством, – / Горчее муки
Тихо высказал, – / Не отдам.

Павел Васильев, «Кулаки». 1922 г. (Разгар коллективизации)

Мой ли с миром путь не одинаков!
Чем же всех других виновней я?
Боже, Боже звезд и хлебных злаков,
Пощади меня и муравья.

Геннадий Фролов, «Ничего не надо…»

«Сибирский роман Николая Олькова».
Книга третья. «Кулаки», роман

Довольно многопланова в сюжетном отношении, глубокомысленна в нравственно-философских коллизиях третья книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Кулаки». Прежде всего, в ней возрастает критическая настроенность относительно несправедливо устроенного общества, ибо оно не может принести крестьянину счастья, полной удовлетворённости результатами своего труда, дать ему радость свободного созидания на родной земле. Впрочем, не исключено, что кому-то роман «Кулаки» покажется замечательно несправедливым и одновременно замечательно острым по мысли. Мы не найдём у автора откровенного осуждения, либо полного неприятия советского строя, но нет у него и явного оправдания того тотального зла, которое принесла революционная эпоха. Будучи корневым русским человеком, уверенно стоящим на твёрдой крестьянской почве, писатель отличается – по тематике, слогу и художественному направлению. В этой книге немало аналитических раздумий, гражданской тревоги автора за человеческие судьбы, ведь попав в опасный водоворот истории, выживали самые стойкие. Мировая война, революция, война гражданская, интервенция нанесли крестьянству невиданный ущерб, пожалуй, как никакой другой части населения. Были разорены тысячи деревень, заброшены миллионы гектаров пашни. Повсюду в стране начинался голод.

Роман особенно актуален сегодня, когда мы буквально недавно перешагнули столетний рубеж НЭПа. Восемь лет новой экономической политики – самый удачный проект советской власти. Крестьяне поверили, что и к ним власть прислушивается. Да и сам НЭП стал разумной реакцией на вооружённые протест 1921 года, вспыхнувшие против продразвёрстки, о чём, как мы уже знаем, идёт речь в повести Н. Олькова «Гриша Атаманов» и в его рассказе «Повстанец», имеющем с ней прямую взаимосвязь. X съезд РКП (21 марта 1921 г.) законодательно утвердил продналог, что пришёл на смену продразвёрстке. После введения НЭПа словно манна небесная снизошла на деревенских мужиков: появились хорошие и дешёвые продукты, а крестьяне, исстрадавшиеся по своему любимому делу, будучи в напряжённом ожидании обещанной пере-

дачи земли, трудились не покладая рук. Даже без тракторов и комбайнов с 1922 по 1928 гг. сбор зерна вырос с 36 до 77 млн тонн, хотя ещё в целом крестьяне по-прежнему жили бедно.

Однако Сталин не мог окончательно принять частную собственность и во главу угла ставил социалистический принцип обобществления – это та неразрешимая дилемма, что до сих пор вызывает горячие споры в обществе. И тогда, и сегодня опять мало чего дождались крестьяне. Опасаясь реставрации капитализма, правительство очень скоро прихлопнуло НЭП, а крестьянам оставалось жить надеждой, что землю им всё-таки дадут. Доколе продлится такое унижение собственного народа, затянувшееся на долгие десятилетия? Сильное противостояние охватило весь народ: с одной стороны – крестьяне как основной союзник пролетариата, с другой – они же как объект длительной борьбы. Посему и в книге «Кулаки» мы наблюдаем верх бесчеловечности – раскулачивание зажиточных сибирских семей – конечный итог политики НЭПа, когда кулака истребили как класс. Именно зажиточных крестьян называли, не иначе, как кулаки, «сельская буржуазия».

В центре повествования романа Н. Олькова «Кулаки» – Мирон Демьянович Курбатов, «думающий, расчётливый крестьянин», прочно обосновавшийся в сибирском селе Бархатово, которое является главным средоточием основных событий. «Нынче хлеба свезли столько, что моих мужиков с последним возом чуть назад не отправили: некуда ссыпать. Разве такое было когда? Три последних года трудящийся мужик хорошо окреп, судьбу за бороду ухватил. И кредиты будем брать под посильный процент, и технику покупать. Я сразу бы трактор взял, край нужен», – с воодушевлением, с трудовым энтузиазмом, какие переполняли его, говорит Мирон об эффективности системы НЭПа председателю исполкома, большевику Всеволоду Щербакову. Их разговор сразу выявляет столкновение разных взглядов: коммуна как будущий путь развития деревни, опора власти на беднейшее крестьянство, ни на что самостоятельно неспособное, ожидающее помощи от государства. Совершенно иной подход у крепких мужиков, составляющих, по мнению Курбатова, настоящий «костяк села». Тут тебе и «большие пашни», и «большие сотни пудов» мяса, и «паровые мельницы», снабжающие мукой весь край, и лес, и изготовление шпал для железной дороги, и уникальная выделка шкур – всего и не счесть! «Все мужики трезвые, семейные, детные, в жизни уверены, да и не особо озабочены иными делами, кроме своих», – разве они могли поверить, что власть однажды передадут бедноте?

Да и Сталин, будем откровенны, испытывал страх: «Россия может вернуться к капитализму», – это двусмысленный факт подчёркивает и Н. Ольков. НЭП – явление временное – не без веских на то оснований считает и довольно неоднозначная личность в романе – партийный работник Щербаков, что, собственно, очень скоро становится очевидным и для остальных персонажей: крестьянского хозяина Мирона Курбатова и торгового купца Емельяна Колмакова. «Ни хрена у вас не получится обмануть Мирона Курбатова, он ужом проползёт, чёрным вороном взлетит, но своего не отдаст», – так рассуждает своевольный сибирский мужик, принимая «крутое решение» – исход из села в глухую тайгу. Они снова построят дома, распашут земли и опять станут жить, как жили их отцы и их деды. Это свобода! «Уйти в тайгу на пустое место, начиная жизнь заново с топора и сохи», – во многом и утопичная идея-мечта Мирона о честном колхозе всё же возымела своё действие: полтора десятка самых зажиточных семей уходят далеко в тайгу. «Обоз в тридцать саней, ни на что не похожий, катился по сельской дороге от одной деревни до другой, третьей», – и, казалось, труднопреодолимые вёрсты и для сибиряков, и для автора, и для читателя оставались позади.

Любопытно и честно об истинной природе русского мужика размышляет мыслитель, публицист, так же, как и автор социальных романов А. Зиновьев и бывший в СССР под запретом И. Солоневич, заставляя задуматься о том, кто врёт: история или мысль? Солоневич давал оригинальные и неожиданные оценки тем или иным историческим событиям, говорил не только о «таинственной славянской душе», но и пытался исследовать природу русского мужика, которого недооценивала та же русская литература, русская классика, оторванная от реальности,

ставшая в той или иной степени причиной революции, а в последствии и Великой Отечественной войны. «Крепостной режим искалечил Россию», – отмечал Солоневич. А расцвет русской литературы совпадал с апогеем крепостного права, которого, повторюсь вслед за Н. Ольковым, никогда не знал сибирский мужик. Выдающиеся русские классики писали в пору этого апогея, отличаясь при этом весьма противоречивыми суждениями о русском мужике. Русская литература, по словам писателя-историка И. Солоневича, была великолепным отражением «великого барского безделья, недооценивавшего крестьянина, когда русский мужик – деловой человек». Подтверждение этим мыслям можно найти в романе Н. Олькова «Кулаки», когда сибирский мужик Мирон Курбатов способен в экстремальных ситуациях мобилизоваться, оставаясь человеком деятельным, энергичным, который ни при каких жизненных обстоятельствах не опускал руки и не боялся никакой тяжелой работы. Кроме того, он трезвый человек, а не бездельник и праздный пьяница, заметим, по душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Именно о таких людях с прочным внутренним стержнем пишет Н. Ольков. Крестьянский мужик – человек, знающий, что ему надо, в отличие от русского интеллигента, одержимого лишь идеями социального мессианства, к тому же русская интеллигенция всегда была в оппозиции правительству. Дело же русского крестьянина – дело маленькое, но это есть дело. Оно требует знания жизни и людей. Поэтому мужик должен быть умнее Бердяевых. Они, русские крестьяне, сталкивались с миром конкретных вещей, не могли позволить себе права на ошибки в отличие от тех же философов, литераторов. Классики же упорно представляли нам лики бездельников, создавая всё новые и новые загадки. Толстовско-каратаевское непротивление злу, достоевская любовь к страданиям, чеховское безволие – со всей исторической эпопеей русского народа далеко не всегда, лишь отчасти, либо вообще не совместимы. Герой Н. Олькова, сибирский мужик Мирон Курбатов, волевой, независимый, не собираясь сдаваться на милость обстоятельствам, как раз и доказывает обратное.

Майор Буллит, первый американский посол в СССР (1933–1936 гг.) писал: «Русский народ является исключительно сильным народом с физической, умственной и эмоциональной точки зрения». Факты истории говорят сами за себя: слабый народ не мог построить великой империи. Пассивность русского народа – блеф и миф. Сделав некоторое отступление, вновь вернёмся к роману, к его главному герою Мирону Курбатову, тоже не имеющему права на ошибку и решившему основательно «готовить место для будущей деревни». Первыми должны были уйти взрослые дети, а затем и семь семей заговорщиков собрались тайно от общества и властей покинуть село, уйти подальше, вглубь тайги, «чтобы власть не подумала искать и наказывать». А всё потому, как считал И. Солоневич, что сам «правящий слой ушёл от народа, и народ ушёл от правящего слоя». Обращает внимание на глубокий социальный конфликт, на беду отчуждения народа и власти, постигшую нашу страну, и писатель Н. Ольков. Он досконально владеет темой, о которой пишет, знает саму русскую почву! Практически каждый художественный образ, создаваемый автором, вне зависимости от его общечеловеческой значимости и идейно-эмоциональной нагрузки, заслуживает особого психологического анализа.

Все нити в романе ведут к образу Мирона Курбатова, здесь прослеживается системный реалистический подход, когда расставляются и все точки над i, когда люди ждут его последнего слова, прислушиваются к его суждениям, которые отличаются глубиной и точностью, когда единодушно верят ему, дружно, слаженно работая в артели. И Мирон понимает, что «он в ответе за тех, кто ему поверил». Да, он «ничего не знал, кроме родной своей земли», мало учился, трудно было крестьянину открыть не только для себя, но и для других единственно нужное слово. «И вдруг слово это, которое он искал, ждал, находил и снова терял, вдруг оно ясно обозначилось в сознании: воля, свобода», – обозначилось оно и в романе, – то сокровенное, что никогда нельзя отнять у сибирского мужика.

А тем самым временем, пока Мирон строил таёжную жизнь артели, пока учился у той же природы «готовности человеков ей противостоять», пока открывал её живые чудеса, бьющие

ключом горячие родники, а рядом с ними пастбища, среди зимы покрытые зелёным ковром разнотравья, – вдали от тайги, по всему сибирскому краю активно разворачивалась коллективизация, шло раскулачивание, нарастали репрессии. Н. Ольков достоверно передаёт «неизвестность и страх», охватившие крестьян. В книге приводится список исчерпывающих данных, свидетельствующих о политике немедленного раскулачивания. «Насильственное решение о коллективизации партийных органов» было окончательным и пересмотру не подлежало – у большевиков всё исполнялось «под наганом». Горько читать эту деревенскую честную прозу, горько осознавать, что надежды на справедливое создание колхозов уже не было.

1929 год Сталин назвал «годом Великого перелома» и заявил о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Вождь пролетариата обосновал теорию классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Перечитывая пронзительные строки Н. Олькова о «глазах вечного крестьянина», «самостоятельного и независимого», чувствуешь, как внутри вдруг поднимается волна протеста, замысел власти становится всё яснее: «иллюзии насчёт единой деревни» рухнули. Это признаёт и большевик Щербаков. «Сибирь всегда была общинной», – обозначает автор важность крестьянина ощущать себя хозяином своей земли, разумную необходимость трудиться на своё личное, а так же и общее благо. Коллективизация подобный принцип полностью исключала. Вскоре Сталин сам возглавил заготовку зерна в Сибири. Закупочная цена, которую он назвал крестьянам, их не устраивала. Возмущению Сталина не было предела. Он незамедлительно принимает решение – взять силой хлеб у зажиточных землевладельцев. Действовали специальные тройки НКВД, репрессивные суды, тех, кто отказывался идти на укрупнение хозяйств, жестоко раскулачивали. В итоге было раскулачено 3,5 млн личных хозяйств, сослано 7 млн крестьян. Лютая ненависть зрела в народе к советской власти. В романе говорится о «революционном напоре и неотразимой настойчивости» крестьянства, когда насилие и кровь, частые поджоги стали нормой деревенской жизни. Вынужденное самоубийство Никифора, брата Мирона, расстрел его верного степного друга Молдахмета, помогавшего таёжным беглецам сохранять скот, арест купца Колмакова, не успевшего распродать свои прибыльные магазины, – звенья одной цепи в системе, карающей человека за любое непослушание ей.

Как результат коллективизации и раскулачивания, аналогично той же продразвёрстке, – страшный голод 1931–1933 годов. Резко сократился валовой сбор зерна, повсеместно шёл массовый забой скота. «Боже, что они сотворили с деревней! Не от работы, а от голода вымрет народ!» – до глубины души возмущался Мирон неутешительным сводкам по удоям и севу, читая новости в газете «Правда», подшивки которой ему заботливо собирал Молдахмет, когда он наведывался к другу за необходимыми покупками для артели, различными вещами и предметами быта, инвентарем. Суть происходящего противоречия высказывает в романе секретарь уездного комитета партии Пашенный: «Как ни верти, а всё крутится вокруг частной собственности, и крестьянин за неё может отдать всё, даже жизнь, потому что собственность – это свобода, воля». Но вместо свободного труда – труд подневольный получил крестьянин, не имевший даже паспортов, которые лишь начиная в 1974 году власти разрешили выдавать. А между тем на крестьянском дворе стояла последняя четверть XX века!

К концу 30-х годов в селе Бархатово, где происходит действие романа «Кулаки», был колхоз, работала машинотракторная станция, открылись курсы механизаторов, хотя область считалась одной из самых отстающих по развитию сельского хозяйства. Как видим, карательные меры бездарной власти не принесли желаемого результата. О чём это говорит? Государству не нужны эффективные люди, высокие профессионалы. Ещё одна существенная деталь: теоретиком экономического развития социалистической страны, подготовившем программу НЭПа, был Бухарин. Что же касается непререкаемой исключительности вождя мирового пролетариата, то позволю себе во многом усомниться, таким ли гениальным теоретиком был Сталин, как в советское время учили нас? «Нищий социализм – это паршивый социализм», –

утверждал Бухарин. Сталин же наоборот фермерство счёл вредным для социализма. Тяготы бесцельной, безысходной жизни укрепляли народ в мысли, что ничего нельзя изменить к лучшему. В период раскулачивания (известно также как раскрестьянивание) было уничтожено 20 млн кулаков – наиболее эффективных крестьян. Общая цифра всех пострадавших от этой преобразовательной компании в два раза выше. Примечательно, что все тот же Щербаков констатирует: самодостаточный крестьянин, кулак, мог быть назван рожденным НЭПом советским крестьянином нового типа. Но – не назван.

В качестве альтернативного примера поиска новых путей развития возьмём Китай. В сложный для страны момент Дэн Сяопин соединил экономическую теорию Николая Бухарина и доктрину Мао, взяв на вооружение оба варианта оптимального экономического развития разных стран. Таким образом, создавались русские корни современного китайского чуда, которое сегодня воочию наблюдает весь мир. Дэн Сяопин в институте марксизма-ленинизма выделил целый этаж для изучения бухаринского наследия. Массовое изучение и внедрение трудов нашего теоретика – основа китайского чуда. Когда Россия в лихие 90-е годы, в период хаотичной перестройки, стояла перед таким же схожим выбором экономического пути, внимания на труды Бухарина она не обратила. Зато, напомним, 2015 год в России был ознаменован настоящим всплеском возрождения сталинизма! Поистине – страна бесконечных парадоксов!

Суровая тема, представленная Н. Ольковым, особо не располагает к романтике, но есть в книге и нечто, метафизический лейтмотив неслучайности, в большей степени свойственный поэзии, – открытый космос сибирской эпопеи. Образ вечной звезды, звёздного неба в русской литературе и в жизни пересекаются в пространстве романа. Казалось бы, Мирону, сеющему хлеб, постоянно пребывающему в тревоге за урожай, некогда думать о чём-то ином, но в минуты отдохновения от земных трудов взоры его обращены вверх, к загадочному ночному небу, где явственно видит он «горящую падающую звезду». «Как сложно всё в мире! Куда падёт эта звезда, если долетит до земли – не сожжёт ли посевы крестьян, не подпалит ли городишко, не загубит ли несчастного», – не от светлых ли звёзд, не из глубины ли самой Вселенной тихой таёжной ночью пришли к сибирскому мужику эти неожиданные мысли? Семя и звёзды, земля и небо, как земное и небесное, замыкающее вечный круг бытия, – эта правда, явившаяся ему, была куда как выше правды обыденной жизни, различимой простыми глазами. А ещё «память на всю жизнь» – «загадка не его ума» – отражающиеся звёзды на глубине колодца вспомнятся Мирону на чужбине, когда будет он защищать Родину от иноземного врага. Заветных строк в романе много – неизбывная интонация любви, лирическая и сильная, – верная жена Марфуша и поздняя любовь к молодой казахской девушке Калиме – извечный неразрешимый треугольник. Увлекательно раскрывает автор сибирские тайны, ведь жизнь таежная полна трудностей и постоянных забот, но полна она и чудес. Избыток образов, колоритных и самобытных, выходят из-под пера мастера, заполняя всё пространство книги. Подогревает читательский интерес и встреча героев со старообрядцами, давно живущими в тайге, последышами единой христианской веры, сохранявших волю и землю – свои кровные истоки. Это следование традициям предков объединяет две артели. Неслучайно старик Банников так почитает и бережёт икону Николая Чудотворца, с Божьей помощью которой крестьяне вершат все дела. Невольно возникает параллель и с трилогией А. Т. Черкасова «Сказания о людях тайги», что включает три романа: «Хмель», «Черный тополь», «Конь рыжий». Первая часть посвящена старообрядческой общине Филарета Боровикова, её непростому существованию вдали от остального мира именно в тех местах, где происходят события романа «Кулаки».

Любовь к сибирской природе Н. Ольков передаёт и своим героям, их каждодневный труд вознаграждается дарами тайги: грибы, ягоды, орехи – неповторимые богатства этой чудодейственной земли. Сколько же прелести в крестьянском труде находит автор, зная его досконально, не понаслышке. Сколько дорогого для русской души сосредоточено в любимой работе! «До обеда стог, после обеда стог. А впереди работают косари, девчонки готовят сухие валки,

завтра и там начнётся, придут метальщики, копновозы, кладельщики, подсребальщицы. И снова будут расти стога», – разве это не та же поэзия в прозе?! Стоит не преминуть случая и вновь открыть уникальный словарь знатока русской словесности В. Даля, его бесценное детище: Стог – Копна – Копновоз – подробно прочитав каждое определение, можно проследить единую, непрерывающуюся смысловую связь. Поразительно богат и красочен народный язык у Н. Олькова, невероятно насыщена художественно-речевая ткань его текста. Сибирский говор здесь торжествует! Старинное, сочное слово, полное мудрости, которое он зачерпнул и у яркого писателя И. Ермакова, красочной россыпью блистает на страницах «Сибирского романа». «В структуре каждого национального языка воплощаются следы мыслей родителей, дедов, прадедов и пращуров, их жизненная психология и философия», – верно отмечает это следование традициям белорусский учёный-методист, профессор В. Протченко. Своеобразное видение мира сквозь призму крестьянского языка, его вечно сияющего слова, будто пришедшего из старинных книг, пожалуй, одно из главных достоинств деревенской прозы Н. Олькова. Природа писательского дара прозаика столь же таинственна, сколь и проста. Талант художника слова остался природным и самородным. В этом и заключается русская традиция!

Мужество книги – тема войны с фашизмом. Война всколыхнула замкнутое лишь на себе жизненное пространство артели, поставив её членов перед выбором: как им быть в данной ситуации, включаться ли в народную войну? «Небо разломилось пополам, извергая ветвистые молнии, и они, как корни могучих деревьев, пытались зацепиться за землю, но при ударе рассыпались в мелкий дребезг, осыпая искрами всё окрест. Илья-Громовержец тоже вышел на войну…» – природа в романе словно благословляла человека на правое дело освободительной борьбы, и не мог Мирон Курбатов остаться в стороне от общей беды, что пришла на его Родину. Корни его дерева, расщеплённые молнией, навеки были связаны с ним и с корнями его родной земли. «Война всех на вшивость проверяет», «Народ всегда воевал не за власть, а за Родину», «Неужто мы сделаем вид, что нас судьба России не касается» – вот, она сущая правда, правда житейская, что укрепляла Мирона в его необоримых мыслях, в которых было много обыденной справедливости. У автора, как и у его главного героя, тоже свои собственные представления о совести, чести, гражданском долге и ответственности за судьбы Родины, своя тревога за народ. Безысходная, бессильная ненависть, иссушающая души, не проросла окончательно в сердцах таёжных жителей, а злоба и разочарование на власть не взяли верх над их разумом и любовью к своей земле. Потому что для русского человека Родина не там, где лучше, а там, где больнее. Отечество – тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчётливо определить, но прикосновение которого к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом непрерывной пуповиной.

Взошла на небосклоне ещё одна звезда, освещающая военную дорогу Мирона Курбатова, – солдатская звезда! «Я за каждый колосок, за каждое зёрнышко им отомщу, они проклянут день и час, когда казах Ахмадья послал русскому мужику Мирону голубя с красной ниткой на правой ножке», – это был знак начала той страшной войны, и крепла в его душе великая ненависть к врагу-захватчику. Тут оживает в памяти рассказ М. Шолохова «Наука ненависти», его бессмертные строки, созвучные чувствам Мирона: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Мирон Курбатов, как и шолоховский солдат, «и воевать научился по-настоящему, и ненавидеть, и любить».

Вот, и получается, что классическая русская литература встала против истории. Литературные психологические образы несовместимы с основными фактами русской истории. И, безусловно, соглашаешься с Солоневичем, что Каратаевы взялись за дубьё, и Обломовы прошли тысячи две вёрст на восток и потом три тысячи вёрст на запад. Империя на 1/6 части земной суши показала всем свою реальную мощь. Не зря же Бисмарк завещал Европе: «Не воевать с русскими». Когда-то русская литература спровоцировала революцию и немцев на

завоевание. Природа же, как известно, не терпит пустоты. Немцы и рванули, как и русские, в революционный рай, им той же мыслью предсказанной. В романе Н. Олькова нет иллюзий в оценках действительности, он придерживается трезвого реализма, поэтому прав и литературно и жизненно. «А простой мужик рассуждал просто: ко мне во двор залез ворюга, да не просто, а бандит, грабит, насилует, тащит не своё. Как тут терпеть?» – глазами этого обычного мужика видит автор войну, твёрдо зная, что его «лесному человеку» надо раз и навсегда «свою землю от скверны очистить».

«Война. Нет в русском языке слова более жестокого и страшного. <…> Родина сжалась до масштаба малой твоей деревни, а патриотизм вместился в жаркое объятие самого меньшего сына, последыша», – от подобных мужественных слов писателя поднимается волна гордости за стойкость и героизм наших людей, завоевавших миру Победу. Не постичь было Гитлеру психологию русского человека, который с невероятным энтузиазмом строил города, возводил на голом месте заводы, изготавливал небывалую технику. «Русские малограмотные самородки, прямая линия от Левши, изобретали уникальное оружие и хитроумное оборудование», – отдаёт должное Н. Ольков русскому умельцу и патриоту, как некогда отдавал должное «баснословным мастерам», «так глаз пристрелявши», таланту русских мастеров-оружейников Н. Лесков. Недаром самобытный классик любил показывать стойких, смелых, могучих, удалых русских людей, ибо были они «своему отечеству верно преданные». Любил любоваться одарённостью русского человека, который свято уверовал в «русскую полезность», в то, что «и у нас в доме своё не хуже есть…». В романе Н. Олькова изображение народа также основывается на глубоком знании русской жизни, её бытового уклада. Чувствуется, что жизнь писателя богата мудрым опытом, что накапливается не сразу, десятилетиями. В его произведениях предстаёт народная жизнь во всём её многообразии, показаны люди разных общественных слоёв, и жизненная правда здесь гораздо сильнее горькой иронии. Это подтверждает космическая загадка судьбы Мирона Курбатова, когда «погибший вернулся с войны».

Эмоционально торжественен, наполнен светом и верой в человека финал романа «Кулаки». Коротко очерчивая вехи пути артели, празднуя вместе со своими героями великую Победу, оценивая их немалый вклад в общее дело помощи фронту, автор подводит повествование к своему кульминационному моменту – к возвращению таёжных беглецов в родное село Бархатово, к остальным людям, к воссоединению со всем народом-победителем. Пройдя дороги войны, орденоносец Мирон Курбатов твёрдо убеждён, что у граждан его артели, у нового, молодого поколения должно быть будущее. Он пишет письмо товарищу Сталину с просьбой принять их честную артель, никогда не предававшую свою Родину, в государственную хозяйственную систему и «считать колхозом». Нам остаётся только верить в справедливость и торжество жизни, полагаясь на Божий Промысел о человеке.

«Будем бодрствовать!.. Любовь к своему народу и земле делает борьбу обязательной», – утверждал И. Аксаков. Ибо русский человек всегда в ответе за судьбу родной земли, принимая боль земли, как свою собственную боль. Такова Россия, такова доля её крестьянская!

«Ах, Сибирь, тоска и радость моя…»

Воспоминание о полувеке,
Пронёсшейся грозой уходит вспять…

Борис Пастернак, «После грозы»

Русь извечная, Русь избяная
Прядёт жизни волшебную нить.
Евдоким Русаков, «По-над лесом…»

«Сибирский роман Николая Олькова».
Книга четвёртая. «Сухие росы», роман

Четвёртая книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Сухие росы», как и три предыдущие, выдержана в жанре реалистично-бытового повествования, которое вбирает в себя активный период послевоенного восстановления сельского хозяйства, возрождения сибирской деревни, затем 70–80-е годы – годы мирного созидания, коллективного труда, и начало 90-х годов – новый сложный период: перестройка, повлёкшая за собой распад великой Державы. Как видим, у писателя нет ни одной части его сибиркой эпопеи, где бы ни высвечивалась трагедия того или иного этапа в истории страны.

Кроме того, Н. Ольков – хранитель подлинной, из самой народной жизни зачерпнутой тайны русской души, русской природы, тайны самой земли. Книга «Сухие росы» открывается картиной мощного весеннего половодья. С такой же широтой каждой строки, с таким же привольем народного слова разливается и повествование романа, излучающее радость бескрайней сибирской земли, когда «весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание…», когда манит её головокружительный простор! Кажется, пахнет вся природа, и тающий снег, и талая земля, и будущий хлебный колос – все запахи сливаются в единый сильный запах весны. Во всём ощущается чистое народное миросозерцание, народное чутьё, тонкое восприятие красоты, составляющие степень народности, – то, что в романе и есть мера художественности. Автор, прежде всего, выделяет трёх основных персонажей – это партийный руководитель района, прямой и честный коммунист Григорий Хмара, перспективный агроном, будущий руководитель совхоза Юрий Долгополов и председатель колхоза «Светлый путь» Макар Чуклеев, – цельные, основательные, художественно завершённые образы, олицетворяющие нерасторжимую сцепку людей, целиком и полностью посвятивших себя крестьянскому труду. Их всех объединяет вечное, первостепенное – «состояние души, живущей вместе с хлебом». Пожалуй, лучше и не скажешь. Роман захватывает житейской правдой, неожиданными явлениями человеческих характеров, запутанными психологическими коллизиями, лирической, проникновенной мелодией любви, словом, простой и настоящей жизнью людей, самоотверженно работающих на земле.

Отметим, не может оставить читателя равнодушным и поэтический язык, присущий прозе Н. Олькова. Причём язык блистательный, искрящейся юмором, смехом, доброй иронией. Тут непременно вспомнишь и шолоховские образы! Когда-то В. Астафьев создал целый континент «сибирского» языка, отличающегося неповторимой манерой изложения. Сибирский говор – ценность и богатство этой земли. «Высота и богатство слова невозможны без высоты и богатства самого бытия», – писал В. Кожинов. Высокое должно сопрягаться с обыкновенным, никоим образом не противореча друг другу. Такой искромётный язык в романе Н. Олькова, прежде всего, связан с образом председателя Макара Наумовича Чуклеева, весь облик которого вызывает добродушную улыбку. Однако он человек особенный, самозабвенно влюблён-

ный в своё крестьянское дело, и кому-то смеяться над собой вряд ли позволяющий. «Макар встал, прошёлся по кабинету, время от времени останавливаясь и покачиваясь на носках, любуясь новыми бурками с блестящими калошами: – Это хорошо, критика и самокритика, сорта и дипломы, а норму высева на сеялке, например, установить ты умеешь?» – живо, незабываемо описывает автор встречу председателя колхоза «Светлый путь» с молодым агрономом-отличником, защитившим диплом по новым сортам яровой пшеницы, Юрием Долгополовым. Крестьянский мужик Макар Чуклеев вовсе не скрывает, что крайне скептически относится ко всем агрономам, считает их «людьми ненужными».

К примеру, Короленко, когда рассуждал о Гоголе, Чехове, Успенском, как о писателях, делавших попытку смеяться над русской действительностью, понимал, что не всё задуманное им удавалось. Он приходил к выводу: «…в русском смехе есть что-то роковое». По его мнению, если употреблять терминологию химиков, то это «неизбежно даёт ядовитый осадок, разрушающий всего сильнее тот сосуд, в котором она совершается, то есть душу писателя». Но народная смеховая культура традиционно близко соприкасается с фольклором, она находит мудрое духовное равновесие, исцеляет человеческие души радостным, благотворным смехом. Данный феномен ярко проявлялся в творчестве Шолохова, Шукшина, который мог и солёную шутку отпустить, красочно высвечивался у сибирского писателя Ермакова. Вот и герой романа «Сухие росы» Макар Чуклеев, пусть и «не обременённый теоретическими познаниями», никогда особо не спрашивающий чужого мнения, зато называющий землю «не иначе как пашенкой», сочетает в себе и глубину души и в то же время лёгкую ироничность, народный юмор, – то загадочно неуловимое, что присуще лишь русскому мужику. Это как раз тот случай, когда мы имеем дело с юмором неглупым, имеющим под собой серьёзную, объективную природу вещей. И даже его любимое выражение «критика и самокритика», как бы оно не воспринималось, напрямую подводит к известному высказыванию Сталина о том, что «критика и самокритика – движущая сила нашего общества».

В книге обращает на себя внимание и жизненно важная тема современной науки, научного подхода в культуре земледелия как неотъемлемой части крестьянского труда. Проблемные вопросы сельского хозяйства Сибири, в частности, вопросы селекционной науки, новых принципов хозяйствования, тесно взаимосвязанных со сроками сева, элитными семенами, сортами яровой пшеницы, партийный руководитель Григорий Хмара пытается досконально выяснить, встречаясь с академиком Терентием Мальцевым. «Сибирь – зона рискованного земледелия…» – подчёркивает учёный. Он поднимает крайне острые, назревшие проблемы «системы организации труда в полеводстве как самой оптимальной, приближенной для крестьянина к результатам своего труда напрямую», предлагает «убрать показатели и оставить крестьянину только реализацию продукции», «перестать командовать», не донимать его «мелочной опекой». Противоречия, крывшиеся годами, становятся всё более явными, требуя безотлагательного решения. Не видя реальных результатов труда, его рациональных стимулов, люди постепенно утрачивают и чисто профессиональный интерес. В России уже более ста лет не могут надёжно зафиксировать результаты своего скорбного, зачастую невыносимого труда и передать их детям, хотя бы и с некоторыми потерями. Зыбкие отношения с собственностью сообщают русской жизни некую апокалиптическую летучесть. Григорий Хмара, предчувствуя грядущие перемены, пытается хоть в чём-то предвосхитить время, давно требующее от крестьянина конкретного подхода к делу. «Завтрашний день невозможен без ломки старого», – уверен и агроном Юрий Долгополов, руководитель иного типа, рисковый, предприимчивый, который тоже старается предугадать, поймать запоздалое время перемен.

Квинтэссенцией авторских взглядов в романе стали мысли академика Мальцева, когда он говорит об особой значимости крестьянина, высвечивая его лучшие человеческие качества: «Не тот пахарь, кто пашет, а тот, который любуется своей пахотой. Пахать многие могут, а вот любоваться не всякий способен». Н. Ольков очередной раз подтверждает это чисто народное

виденье мира, своей духовной миссии на земле, характерное лишь русскому человеку. Непоколебима и вера крестьянина, испокон веков сохраняющего рассудительность: «Кольца веры народной рассыпаны и утрачены, хоть лба русский мужик в храме не расшибал. Но боялся! И жить старался по правде…» – ни в коей мере не сомневается в христианских добродетелях русского человека Терентий Мальцев.

Мифологичность происходящего, сказочность, которой напитана вся сибирская земля, поэзия простого деревенского бытия ощущаются здесь в самых обычных вещах. Героев книги соединяет природная сила любви, когда родную землю любишь непредсказуемо, первобытно. Теперь ясно, откуда земляк Н. Олькова, писатель И. Ермаков, брал свои сочные краски, когда писал о сибирских местах, как о «рае земном для скотинушки».

Мы должны знать, что всё в мире не напрасно, что всё имеет смысл – Божий Промысл о человеке, направленный к тому, чтобы наша жизнь была достойна радости и гордости за свой труд. Русский человек «живёт в нагрузку», как точно подмечает в книге академик Мальцев. Может поэтому он так любит вещи простые, понятные, знает цену, как и Григорий Хмара, каждому выращенному «пшеничному зёрнышку, вскормившему всю большую страну»? Да, русский мужик знает цену родным булкам и калачам, их ароматному запаху, их особому, ни с чем несравнимому вкусу! Стоит от начала и до конца прочесть эту красочную песнь сибирской земле, его Величеству Хлебу! О, сколько она вместила в себя: и боль сухой земли казахстанских степей, мучительно ждущей влаги, дождя, что сделает её «радостной землёй», и спасительное чудо июньского дождя, когда «хлеба ещё сохранили способность к полноценному росту, встрепенутся, раскинутся кустиками, трубку стебля выкинут, потом колос», и когда «август порадует хлебом», и когда настанет «осенняя сибирская ночь, без ветра, без туч», когда не бывает росы, когда можно надеяться на подарок природы – на счастливый урожай!

Необозримые поля с бесконечными рядами вызревающей золотистой пшеницы были для Григория Хмары тем единственным местом на земле, где он находил духовное отдохновение, духовное равновесие. Но с новой политикой перестройки, непонятной, хаотичной, всё чаще посещала его тревога за будущую судьбу деревни. Что стало причиной необдуманных перестроечных реформ? Возможно, ложь, двусмысленность, страх перемен. В образе партийного руководителя проступают такие моральные качества, как решительность, преданность идеалам Родины, служению своему народу, зримо проявляется такая же необоримая, изрядная сила – то явное сходство, что прочно сближает его с героем романа «Кулаки» Мироном Курбатовым.

Перестройку, которая разорила жизни и судьбы миллионам наших граждан, даже сложно назвать историей. «Мы не чувствовали никакой близости к тем, кого вынесла наверх перестройка», – признавался В. Войнович. В конце своего романа Н. Ольков как раз подводит нас к этому моменту общей усталости, спада, разочарования, горечи, послевкусия пережитого, что мы испытали в разрушительный перестроечный период. Автор вместе со своими героями остро воспринимает происходящее. Это – урок поведения при разных режимах жизни. Оставаться равному самому себе – при всех меняющихся политических режимах отстаивать свою позицию, быть рядом с народом. Сегодня понимаешь, что это были лучшие годы созидания, выпавшие на долю нашего народа, прошедшего через революционные бунты, раскулачивание, сталинские лагеря, войну. Нет-нет, да и мелькнёт ускользающая мысль, почему было не взять на вооружение накануне самой перестройки ту же теорию Бухарина, – именно то, что так грандиозно сделал Китай? Но история не любит сослагательных наклонений, предоставляя это право литературе, укрепляющей человека в вере, дарующей ему надежду.

В эпилоге романа «Сухие росы» звучит подлинный гимн Сибири, «земле одушевлённой и одухотворённой…», её неиссякаемым богатствам, гимн-посвящение сибирским труженикам, влюблённым в этот край. Вслушиваясь в слова писателя, в их поэзию, принимаешь всем сердцем его самородный сибирский эпос, впечатляющий своим размахом, раздольем – той безграничной широтой природного пространства, которая имеет некую таинственную родственную

связь и с широтой русского слова, что сливаясь воедино, олицетворяют великую Россию. В этой памятливой любви к отчей земле и проявляется в творчестве Н. Олькова его напряжённая страда на ниве слова, сравнимая с многотрудным посевом зерна: «Вот тут радуются сухой росе, сухоросу, неожиданному и жданному, когда влажный воздух ветра поднимут высоко от земли, а зерно останется сухим и твёрдым на радость немногословному крестьянину». Созреет пшеница на полях, уродится рожь, и земля будет с урожаем, а человек с хлебом…

«Хлеб на каждый день. И на всю жизнь»

Стою в полях. И в дымке синей
Я слышу здесь, сквозь ветра зов,
Как дышит сердце всей России
В волненье зреющих хлебов.

Евдоким Русаков, «Рассвет»

«Сибирский роман Николая Олькова».
Книга пятая. «Хлеб наш насущный», роман

Логическую завершённость «Сибирскому роману» Николая Олькова, вобравшему в себя синтез разных эстетических измерений, его нескончаемым, горячим думам о России придаёт пятая книга «Хлеб наш насущный», заканчивающая художественно-исторический цикл всей грандиозной сибирской эпопеи. Она наглядно свидетельствует о том, что в минувшем времени, пусть и насыщенном событиями, каким был век XX, оставаться нельзя, и представляет на своих страницах новые исторические условия хозяйствования.

«Я верю в возможность русского человека вырастать из глубин культурных корней своего прошлого и уходить к небу общечеловеческой цивилизации, не теряя своего удивительного своеобразия, своей универсальности и своей духовности», – пишет российский политический деятель В. Игрунов («Русское и советское»). Н. Ольков, будучи внимательным наблюдателем жизни, создаёт именно такие человеческие образы, какие способны внутренне противостоять жизненным обстоятельствам, способны оставаться собой. Роман писателя рассказывает о судьбе человека, вся жизнь которого – сплошная борьба: вначале за элементарное существование, затем за «место под солнцем», а в конечном итоге – за собственную душу, за высший смысл бытия. Вот лишь общие штрихи петлистого пути деревенского парня Родиона Бывакина, основного персонажа книги: безотцовщина, постоянная травля мальчишки его же одноклассниками, тюрьма, куда он попадает по малолетке. Повествование развивается по законам хорошего детективного жанра, глубоко увлекая читателя элементами тайны и загадки. Сюжет достаточно энергичный, находящейся в движении, как бы незаметно, но поступательно его герой идёт к намеченной цели.

Отсидев свой срок на малолетке, Родион попадает во «взрослую» колонию, где его берёт под личное покровительство тюремный авторитет Доктор. Такая опека для него была «и благом, и наказанием». Чтобы сохранить немалые капиталы, которые будут для молодого парня не только испытанием, но и шансом начать другую жизнь, Доктор, используя старые связи в криминальном мире, добивается его досрочного освобождения. Мы видим воочию, что в нашу когда-то предсказуемую и налаженную жизнь стремительно вторгается иная новая действительность – не утопически-очищенная, которую выстраивали в своём воображении в 1987 году путающие литературу с жизнью либералы-интеллигенты, а реальность с кровью, преступлениями, рэкетом.

Судьба не щадила героя Н. Олькова. Вопреки всему происходящему, Родион открывает в себе предпринимательскую жилку, редкое умение прибыльно вести серьёзное дело, и деньги Доктора пришлись как нельзя кстати. Сам же владелец этих солидных капиталов, настоящее имя которого Иван Александрович Бачурин и которому наш Родя до конца дней своих будет благодарен, вскоре умирает. И герой романа буквально спустя какое-то время уже не Бывалый, как совсем недавно знал его криминальный мир, а Родион Петрович Бывакин, сумевший не только ловко вести бизнес, но и своевременно вернуть зарубежные деньги, а в горячий разгар приватизации приобрести солидную строительную организацию с собственным производ-

ством и двумя заводами, объединив всё это в состоятельную корпорацию «Командор». Он занимает прочное место в новом мире, пришедшем на смену старому, открывающему для него самые высокие двери. Теперь уже губернатор говорит с ним на равных, поскольку удачливый бизнесмен активно развивал производство у себя на родине. Ведь тогда в перестройку люди казались странно обезличенными, как-то большинство в одночасье потеряло свою индивидуальность. Те, у кого были деньги, открыто стремились на Запад, поближе к доступным благам цивилизации. Но для Родиона Бывакина всего дороже оставалась родная деревня с чисто русским названием Лебедево. Нет, не забывал он, как в колонии у него была заначка – кусочек хлеба, «подсохшего, пахнущего мышами и махоркой, но – хлеб, его ничем не заменишь». Хлеб и правда, такая же трудная, порой горькая, которая тоже у каждого своя. Хоть не только хлебом единым сыт человек, но и без него не выжить. Автор, как бы невзначай, ненавязчиво направляет главного героя в нужное русло, чувствуя его врождённое стремление к земле.

Неизменный читательский интерес вызывает и сквозная тема книги – тема непреодолимой дилеммы социальных сословий. Среди авторских подходов здесь присутствует соединение разнородных стилей, идей, встречаются некие особенности эклектичности. Подобным примером обращения к старинной манере изложения мыслей, душевной, неспешной, манере утонченной, оставшейся в XIX веке, можно считать письма прадеда княжны Лады Станиславовны Бартенёвой – Басаргиной, хранящиеся в её личном семейном архиве, которые она любезно предлагает прочесть своему знакомому Родиону Бывакину. Сегодня уже, увы, практически никто так не пишет! Он откровенно захвачен этим далёким повествованием, письмом к горячо любимой жене, полным чистых и высоких чувств, поражён судьбой осужденного и сосланного в Сибирь прадеда Лады, так живописно поведавшего об удивительных сибирских местах, при этом не утратившего веры, любви к жизни. Родион понимает всю иронию судьбы, что коварно проявилась в неожиданно вспыхнувших к нему чувствах Лады, «сопредседателя губернского Императорского собрания», в её любви, граничащей с безумием, да ещё к кому, к бывшему зэку! «Вы живёте иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с её грязью, обманом, воровством…» – жёстко отвечает он девушке, подразумевая абсолютную противоположность их взглядов. «Нас века разделяют», – бросает ей Родион резкую фразу, словно подписывает окончательный приговор, ни на минуту не сомневаясь, что подобное разделение стереть невозможно. Ведь и создание сословного общества – тупик, некая иллюзия, когда не стоит рассчитывать на «новых дворян». Социальное разобщение – неизбежный спутник размывания вековых общинных скреп народной жизни. К сожалению, оно поразило и наше современное общество.

Следуя достаточно подробным бытовым деталям повествования, надо признать, что личная жизнь нашего героя, сопровождаемая разными любовными историями, не сразу складывается удачно, а степной образ луноликой красавицы в череде каждодневных забот, неотложных дел так и останется для него лишь прекрасной и недостижимой мечтой. Переосмыслить свою жизнь, вернуть утраченное, вновь обрести единственную женщину и сына его заставляет смерть матери. Родион Бывакин принимает важное и мучительное решение, что станет в его судьбе самым главным: он создаёт в родной деревне Лебедево агрофирму «Труд». Причем само название заключает в себе великий смысл: труд – значит, творчество, которое приходит с любовью к земле, а не просто рабская работа, что от слова раб. «Целую деревню поднять – это великое дело <…> А главное – родина, земля, и люди тебя помнят», – обращаются к предпринимателю его земляки. В то же время настораживает один момент, что многие, по словам жителей деревни, «на себя уже робить не хотят», народ привык к «железной руке», перестал верить в свои силы, в то, что что-то путное может у него получиться. Отойдя от книжных событий, мы сталкиваемся с неким раздвоением личности, случившемся с целым народом, повлёкшем за собой неизлечимую болезнь потерянной родины. Сказалось пагубное влияние перестройки, когда человек опять отвык трудиться на земле. А чья она? Произошло вырож-

дение нации, необоримая усталость, корнями уходящая в прошлое, одолела народ, усталость, заставляющая забыть его о своём духовном первородстве.

Подлинный мастер эпического полотна народной жизни, русский писатель П. Проскурин говорил: «Слишком глубоко зашло разрушение. А спасение только в осознании своего национального пути, своего национального характера. Спасение придёт только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше, и чего попытались его лишить». Бесконечно печальный писатель В. Распутин словно вторил ему, когда характеризовал период перестройки: «Народ оступился. Если раньше он оступался, то ненадолго. Он брал себя в руки. А тут он не захотел уже. Он устал… Сейчас, мне кажется, обречён весь мир. Подошло время негодности этого мира». Какие вещие строки! Очень хочется, чтобы Распутин ошибся в своём приговоре. Ведь им же было сказано и другое: «Несомненно, русская литература жива…»

Жива и русская земля, необозримая по широте и величию своих бесконечных пространств. Когда в голодные годы из Центральной части России переселялись в Западную Сибирь крестьяне, о чём рассказывается в книге «Хлеб наш насущный», они везли с собой и свою церковь. Крестьянин – от слова крест. Надежда на возрождение у русского человека остаётся всегда. Нет-нет, да и наши мысли вернутся в сегодняшнюю Россию: «Душа и глаз просят церкви на одном из холмов – белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаше неба. Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на своё отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то молил твоё сердце, заранее зная, что не удержит тебя», – с пронзительным лиризмом писал В. Курбатов, так же, как когда-то и П. Проскурин, и В. Распутин, как сегодня пишет и Н. Ольков, аналогично спрашивая самого себя о том, «когда же мы из населения станем народом?».

Именно такие перемены в умах, в настроениях народа происходят в повествовании Н. Олькова, деревенские люди хотят трудиться на своей земле. И. Ильин в своё время пророчески изрёк: «Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного – смысла жизни». Ищет смыслы, поддержку, доверие народа и герой книги «Хлеб наш насущный» Родион Бывакин, который возвращается к своим истокам, к своим глубинным корням. В убыток собственному агробизнесу он спасает соседние хозяйства от банкротства, закупает самую современную агротехнику, строит кормозаготовительные комплексы, жилые дома для тружеников нового колхоза, подбирает надёжных людей, для которых слово не расходится с делом, расширяет хозяйство, какое переименуют потом в агрофирму с символичным названием «Бывакинская». Родион задумывается: «<…> зачем живёт человек на свете? В муках рождается, потом всю жизнь мучается, не все, понятно, но народишко-то белого света не видит. Мать в колхозе с темна до темна…» – вспоминаются ему и детские годы, трудное время внутреннего одиночества, когда он, спасаясь от окружающей его враждебной действительности, уходил в себя. Поэтому сегодня и хочет он вернуть народу хорошую жизнь, чтобы человек мог гордиться своим трудом. В романе чётко обозначается авторская прохладность какой-либо политической ангажированности, что подводит незримую, но определённую черту во всём «Сибирском романе» Н. Олькова.

«Незнакомые чувства испытал Бывакин, впервые войдя в свои хлеба. <…> Хлеб. Огромными волнами, похожими на колебания океана, колышется пшеница. Так было всегда, и дед его, наверно, при единоличной жизни вот так же выходил к полю и ждал, что оно ему даст. И он сейчас, неожиданный хлебороб, случайный крестьянин, полон этих страстей: что даст, что будет?» – необъяснимое состояние испытывает он, так же желая привезти сюда и своих сыновей, чтобы сохранить эту нераспавшуюся родственную связь времён. Важно, когда твой труд не рассеивается прахом, а может быть материализован и передан детям, что увеличит в будущем их стартовые возможности, когда накапливается не только материальный, но и духовный

капитал, и земля, облагороженная человеческим трудом, становится настоящим достоянием народа. «Общение с природой, родство с нею, труд во имя неё – есть древняя, неизменная, самая, быть может, надёжная радость в жизни человека», – вдохновенно писал В. Астафьев.

Вечные, вневременные ценности – земля и хлеб – были всегда спасительными для русского крестьянина. «Только хлеб – это жизнь… хлеб – он насущный, он каждый день нужен, без хлеба человек не сможет прожить», – убеждён и наш герой. Вот, он «бывший зэк, народный мститель и крестьянин, верный земле, на которой родился», Родион Петрович Бывакин, с трепетной любовью бережливого хозяина собирает в поле золотые стебли пшеницы, вяжет крепкий сноп из зерна, чтобы стоял в его деревенском доме как самоё большое богатство, как великий смысл человеческого бытия – этот искрящейся солнечным светом букет из хлебных колосьев. «Хлеб. На каждый день. И на всю жизнь», – какая надёжная опора – земля, деревня!

И какие широкие крылья – история, память! В наш зыбкий, по-прежнему смутный час, как будто свыше даны они писателю эпохального «Сибирского романа», уверенного в величии русского пути, в возрождении России. Нам остаётся лишь оценить сделанное этим замечательным художником слова, поразиться его масштабности! Только человек, любящий свою землю, свой народ, человек, сильный духом, способен воссоздать такие мощные русские темы!

Пусть в завершение прозвучит проникновенное высказывание Василия Шукшина, русского человека с такой же, как и у Николая Олькова, бесконечно растревоженной совестью и душой: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

И ныне и присно

Стане, Анастасии, с душевным трепетом посвящаю

Река долго, тысячи лет и тысячи километров, разбегалась по дикой, необжитой народом степи, чтобы в предчувствии скорого исчезновения напрячь накопившиеся силы и метнуть их в мощном броске на Гору, отринуться, понять безнадежность усилий, и тогда попытаться уйти от неизбежного уже слияния с важными водами Большой Реки. От угрозы раствориться в этих водах и течь дальше под чужим уже именем, Река, оттолкнувшись от Горы, хотела повернуть вспять, но своеволия испугалась, заложила широкую, неохватную петлю, внутренний берег размыла и низвела до заливного луга, внешний возвысила, обустроила, украсила логами и оврагами, взрастила березовые леса, населив зверем и птицей, набросав в них охапками кусты смородины и малины, россыпи ежевики, костянки и клубники с земляникой, спрятав выводки груздей, опят и обабков.

Человек, ступивший на край Горы, обомлел от невиданной красоты, кликнул сотоварищей, и молча стояли они у края, обозревая, сколь видно было, желанное место. Умыли лица свои чистой водой незнакомой Реки, поклонились Востоку, охнула от прикосновения топора белая береза, которой суждено было лечь в оклад первой избы. И назвали то место Зареченька.

Седой зимой через убродные суметы снега с трудом протискиваются лоси и козы, направляясь в подлески, где вихревой ветер озорно выметает опушки, оголяя засохшую траву, малый кустарник и золотой березовый лист, который тоже годится в пищу, если неволят морозы и падера. Кабаны семьями выходят на кормежку, поросятки хрюканьем и повизгиваньем ободряют отца, который буровит снежную залежь, разрывая уже промерзшее одеяло осоки и шумихи, сковыривает кочки, и молодняк беззаботно отыскивает корешки, похрумкивает лакомством, взметнув бирьки и сладострастно прищурив глаза, а мамаша чутко пронюхивает воздух, отыскивая признаки человека или волка.

Лютой зимой небо опускается так близко к земле, что соединяются в едином порыве снежная круговерть и незримая пыль облаков; солнце не находит сил, чтобы разорвать это месиво, оно злится, краснеет и порой удается ему кинуть свой суровый взгляд на своевольную стихию; а если нет – чудные дива случаются в небесах: солнце разведет по обе стороны от себя собственное отражение, и тогда всему живому на земле явятся три солнца, чтобы устрашить зверя, напугать птицу, смутить думающего человека.

Зато летом, когда схлынет разлив Большой Реки, и обнажатся размашистые луга, буйно идет в рост все живое и зеленое, изумрудностью подернется местность, звери спустятся с Горы на приволье, выведут весеннего рождения детенышей и будут кормиться тут, пока Человек придет и заявит свои права, спугнет зверя, выкосит все ложбинки и низины, намечет округлые стога, высокой изгородью защитит свой труд от звериного озорства. Человеку тоже полюбились эти места, он распахал гривы и засеял злаками, он тысячи скота развел на вольных кормах, он дома поставил и объединил их в деревни, он храмы возвел посреди села с гулким колокольным звоном.

Тысячи гроз прогремят над Зареченькой и тысячи дождей омоют ее, многие поколения родятся и закончатся на этой земле, прославив ее многими плодами крестьянской работы и отважной дерзостью на бранном поле. Река все так же тиха и напориста, радостная в своей синеве; Гора холодна и хмура, все так же огрызается оголенными провалами логов и оврагами; зареченская долина горда зеленью трав и золотом хлебных полей. И многоликая жизнь проносится надо всем, вечная и бесконечная…

В первый день православного Рождества молодой человек, совсем еще подросток, вместе с родителями только что прибывший из Варшавы, вернулся из ближайшего костела со службы, позавтракал и вышел в сад Царскосельского дворца, где семейству были отведены комнаты. Для тринадцати лет был он довольно высок, строен, чист лицом, серые глаза и прямой нос делали его взрослее и серьезнее. Отца, как знатока важных старинных документов, Государь лично пригласил вместе с семейством служить при дворе, занимаясь только что найденными в архивах бумагами, их следовало привести в порядок, частично перевести и дать толкование Императору. О важности сих бумаг юный Бронислав думал менее всего, его восхитил Петербург, зная по гравюрам все сколько-нибудь выдающиеся здания и памятники города, он узнавал и Медного Всадника, и Адмиралтейский столп, и Невский проспект, но как широко открылись они его взорам, как далеко вышли за пределы книжных познаний!

Он прошел по хорошо очищенной от снега липовой аллее, глубоко вдыхая воздух незнакомого и родного города, в памяти роились десятки строк русских поэтов о зиме и снеге, но ни одну не мог он поймать, чтобы остановить все стихотворение! «Какая прелесть!» – он сел в беседку, думал и о снеге, и о новом для него празднике, и о городе, в котором предстояло учиться и жить неизвестно сколько. И как круто иногда разворачивает человека судьба, он был в Варшаве, учился в гимназии, занимался языками и отцовской исторической наукой, но где-то что-то меняется, в интересах Империи нужны какие-то меры, и вот вся семья едет в чужие края, хотя и в столицу. Отцу не очень хотелось, но указ был именной, потому выполнение необходимо.

Бронислав не сразу заметил невысокую девочку в расшитой шубке и шапке с соболиным хвостом, которая шла по аллее в сопровождении дамы средних лет, изредка подбегала к невысокому снежному брустверу, ухватывала пригоршню мягкого снега, лепила комочки и бесцельно бросала их в сторону раскричавшихся ворон. Бронислав вышел из беседки и поклонился дамам.

– Мадам, я не знаю этого мальчика. Кто он? – звонким голосом спросила девочка.

– Ваше Высочество, это неприлично! – зашипела воспитательница.

– Ничего не нахожу неприличного, я девочка, а не дама, к тому же, мы не на балу. В моей аллее именно в час моей прогулки появляется незнакомый мальчик, и я хочу знать, кто он. Что тут неприличного? Ну-с?! – обратилась она к покрасневшему незнакомцу. Он уже понял, что перед ним одна из Великих Княжён.

– Меня зовут Бронислав, мы только что прибыли из Варшавы.

– Замечательно! Это вас поселили с северной стороны дворца?

– Право, не знаю, я еще не ориентируюсь, где здесь север.

Девочка залилась веселым и громким смехом:

– Север здесь в том же направлении, что и в Варшаве. Мое имя Анастасия. А вас я буду звать Броня, нет, просто Боня. Вы не возражаете?

– Нет, Ваше Высочество!

– Ну, вот, и тут то же самое! Даю вам право звать меня по имени. Приходите после обеда к пруду, солдаты сделали горки и каток, ведь сегодня Рождество. Вы католик?

– Да, Ваше Высочество.

– Все равно приходите, будет праздник.

Воспитательница опять вмешалась:

– Праздник устраивает Государь, и Вы не можете приглашать без его согласия.

Анастасия ответила резко:

– Папенька разрешил мне приглашать, кого захочу. Вы мне надоели, я убегаю.

И она понеслась по аллее, оставив не очень расторопную воспитательницу.

Бронислав был поражен, все случившееся казалось ему сном, наваждением. Лицо Анастасии, челка каштановых волос, выбившаяся из-под шапки, большие голубые глаза, четко

очерченные губки, приглашение, которым он не знал, как воспользоваться. Дома обо всем рассказал отцу.

Пан Леопольд Лячек был очень крепкий сорокалетний мужчина, густые с сединой волосы зачесывал назад, ходил прямо и гордо, лицо брил, при работе надевал очки, и они закрывали его густые брови и темно-серые глаза. В суждениях, как всякий ученый, был резок, компромиссов не признавал.

– Ты поступил недостойно, сын мой, в тринадцать лет следует знать, что неприлично как бы случайно оказываться на пути дамы. Я полагал бы на праздник не ходить, не думаю, что твое отсутствие будет замечено, а вот явление может вызвать нежелательные разговоры. Мы поляки, сын, и не нужно этого забывать.

Чтобы не переживать, Бронислав совсем не выходил из квартиры. Он смотрел в окно и представлял княжну Анастасию на катке и высоких горках, которых вообще никогда не видел.

Утром следующего дня отец привел в дом пожилого мужчину, представив его учителем языков. Мужчина был слегка помят, безразличен и хмур.

– Сын, это господин Саниэль, Жан Саниэль, знаток языков, он сейчас не в духе после праздника, но весьма образован и способен к передаче знаний. Приглашен был для обучения младших детей Государя, но проявил свою слабость, и отвергнут. Мне разрешили взять его. Господин Саниэль, моего сына зовут Бронислав, скажите еще раз, какие языки вы будете давать.

Француз пожевал губами и начал перечислять:

– Европейские почти все, без скандинавских, латынь, если изволите, иврит или идиш, на выбор. Продолжать?

– Хорошо, об условиях мы договорились. Завтра можете приступать.

Три раза в неделю по три часа Бронислав с Жаном отдавали занятиям, через месяц решено было остановиться на французском, испанском, итальянском и русском, еще латынь и арамейский, на древнем семитском настоял отец, считающий обязательным знать язык Господа своего.

Потом стал приходить учитель математики и естественных наук, отставной профессор Петербургского университета Маковцев. Георгий Михайлович отметил большие способности своего ученика и заверил мальчика:

– Через пару лет вы успешно выдержите экзамены в университет, это я вам обещаю.

Бронислав выходил на прогулку дважды: днем и уже в темноте, очень хотелось увидеть Анастасию, но он боялся появляться в аллее в час ее прогулки. В этот раз он оделся очень легко, предполагая пройтись вдоль дворца несколько раз и вернуться к занятиям: языки требовали усидчивости.

– Так вот вы где! – услышал он знакомый голос, и сердце застучало прямо в горлышке: Анастасия! – Почему вы, сударь, не соблаговолили явиться на праздник в Рождество и теперь скрываетесь от возмездия уже месяц?

Она стояла перед ним одна, без сопровождения, невысокая, коренастенькая, улыбчивая, серые глаза ее беззаботно радовались. Он молчал. Ее устраивало его смущение, она наслаждалась властью над этим странным поляком.

– Вас не пускают из дому? – вдруг спросила она.

– Что вы, вовсе нет, я много занимаюсь, и потом… Я так бестактно вел себя там, в аллее, простите мою невоспитанность.

– Господи, и вы о том же. Все хотят воспитывать, а я хочу жить и радоваться. Когда я купаюсь в пруду, только папенька может меня оттуда вынуть. Или влажу на дерево. Да, я лазаю по деревьям не хуже мальчишек. Мне так весело, что все внизу просто от страха за меня повизгивают, а я вижу весь мир вокруг значительно больший, чем они, несчастные. Потом приходит папа и командует. После обеда мы гуляем в саду, почти в любую погоду, присоединяйтесь

к нам, мои сестры очень добрые и красивые. Наследник часто болеет, потому у него особый режим. Жду вас завтра в аллее.

И она побежала в сторону парадного подъезда.

Бронислав только теперь почувствовал, что продрог, дома мама сделала ему компресс и растерла водкой ноги, но к ночи поднялась температура, мальчик бредил, произносил странные слова из только что заученных, утром температура снизилась, он спал весь день. Вечером отец сел у постели:

– Надо быть осторожней, сын, это Россия, простуда – самая распространенная болезнь русских. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, папа, но я хочу тебе сказать, что скоро будет война, я знаю это от канцлера Вильгельма.

– Матка Боска! – взмолился отец. – Откуда взялся канцлер? Он приснился тебе?

– Нет. Просто я его видел и узнал, что война с Россией начнется этим летом, все связано со смертью Франца-Фердинанда.

Леопольд обнял сына:

– Маленький мой, тебе это привиделось в бреду, у тебя был жар, успокойся.

– Я спокоен, папа, – сказал сын слабым голосом и снова уснул.

Когда он через две недели появился в аллее, все четыре княжны: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия прохаживались, тихонько о чем-то говоря. Мальчик скользнул в беседку, но был замечен.

– Боня, я жду объяснений. Представляете, назначила молодому человеку свиданье, а он уже дважды не явился. Что мы с ним сделаем?

Старшие улыбнулись, раскланялись с потрясенным мальчиком и оставили детей одних. Татьяна предупредила:

– Стана, ждем тебя через четверть часа.

Анастасия вошла в беседку:

– Как все мило, скоро весна, вы это чувствуете? Вы болели?

– Да, я простудился.

– Ах, это, очевидно, в тот случай, простите меня, я видела, что вы легко одеты, но не подумала о последствиях. Наследник тоже лежал в эти дни, в доме очень тяжело. Его спасает старец Григорий. Как ваши науки?

– Мои учителя не дают покоя, считают, что через два года можно сдавать в университет.

– Да, вы будете студентом, в гуще молодежи, а мы обречены дожидаться своих принцев дома. Папенька только следующей зимой выведет в свет Ольгу и Татьяну, это он уже объявил, а когда до меня очередь дойдет?

– Григорий – это кто?

– Святой. Да, святой человек, он многих пользует, а для Алеши просто спаситель, у него очень нехорошая болезнь. Григорий крестьянин, из глубины Сибири, в нем сила и дар от Бога. Все, довольно, я побежала, сестра у меня строгий воспитатель. Когда вы придете?

– Наверное, через три дня.

– Прощайте! – и она опять резво побежала по аллее, оставляя ему приятные воспоминания и тревогу от странной новости: Григорий. Надо спросить отца.

Дома ему вдруг сделалось дурно, он хотел было позвать маму, но почти без чувств опустился в кресло, и сильная боль с волнами набегавшим шумом сжала его мозг. Он оставался в сознании, оно путалось, какие-то новые мысли проносились и исчезали, новые лица мелькали, как в кинематографе, он едва успевал узнавать: Государь, царица, княжны, наследник. Потом Анастасия, в слезах. Далее какие-то люди, мертвые тела, простыни, запах серы. Бронислав закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Ему стало легче дышать, но в голове беспорядок.

– Мой Бог! – прошептал мальчик. – Избавь меня от этой кары, я ничего не могу понять, ничего не хочу знать, я очень болен.

К приходу отца он оправился, занимался математикой, когда тот вошел в его комнату.

– Папа, видимо, я болен, в моей голове не все в порядке. Я уже говорил тебе о войне, сегодня еще более страшные известия. – Он сам испугался этого определения, потому что оно показалось ему наиболее точным: известие, кто-то неведомый извещает его о том, чего не знает еще никто на белом свете. – Я не хотел бы говорить о содержании, оно ужасно. Может быть, в Петербурге есть хорошие доктора, папа, я боюсь. И сегодня я узнал о старце Григории, кто это, он действительно чародей? Может быть, следует обратиться к нему?

– Боже тебя сохрани от общения с этим человеком! – испугался Леопольд. – Это страшный человек, в нем действительно есть сила, но никто не может твердо сказать, от кого она. Недаром его фамилия Распутин. Это страшный человек! Тебе не надо его знать.

В тот же день Бронислава на выходе из дворцовой ограды через главные ворота обогнала запряженная тройкой карета с открытым верхом, сидевший в ней бородатый мужчина в темной накидке и низкой шляпе, из-под которой распадались в обе стороны пряди темных волос, резко повернулся в сторону и встретился взглядом с мальчиком. Карета уже пронеслась, когда раздался зычный голос:

– А ну, разверни!

Кучер придержал коней, карета катилась навстречу Брониславу.

– Остановись, юноша! – приказал тот голосом, которого невозможно было ослушаться. – Подойди сюда. Молодец. Еще раз посмотри мне в глаза! Ах, ты! Все, не следует боле. Ты чей?

– Бронислав Лячек, из Варшавы.

– А папаша твой кто?

– Историк, он работает с бумагами для Государя.

– Приходи ко мне на городскую квартиру, поговорить с тобой хочу.

– Меня папенька не отпустит.

– Эка причина! Папенька сам тебя и привезет. Все, пошел! – И он привычно хлопнул кучера по спине.

Вечером Леопольд пришел домой в слезах. Ни жена, ни сын еще не видели его таким расстроенным.

– Я получил высочайшее указание сегодня после ужина поехать с сыном к Распутину. Бронислав, где он мог тебя видеть?

– Сегодня во дворцовых воротах, он проехал на тройке, потом вернулся.

– Он говорил с тобой?

– Только несколько слов. И велел посмотреть в глаза.

– Мой Бог, что надо этому человеку от простого поляка?

Жена Ядвига, никогда не выражавшая своего мнения и говорившая очень редко, к чему привык даже сын, вдруг подала голос:

– Что плохого успел ты узнать о старце за месяц жизни при дворе?

– О, если бы ты знала хоть сколько! Это сам дьявол, он пьяница и развратник, но обладает некой темной силой, удачно лечит гемофилию наследника и тем вырос в глазах императрицы. О нем говорит весь Петербург.

Карету подали сразу после ужина, Леопольд долго молился, обнял жену, поцеловал сына. Мальчик не понимал столь высокой взволнованности отца.

Молодая женщина провела их в квартиру Распутина, которая показалась Брониславу тяжелой и запущенной. Старец вышел к ним в роскошном халате и стоптанных башмаках, пригласил сесть, сам откинулся на большую продавленную тахту. Бронислав со страхом и любопытством на него смотрел: фигура крепкого мужика, широкоплечего, мускулистого; неопрятен, самоуверен, длинные темные волосы ниспадают по обе стороны головы, прикрывая

бледное узкое лицо, заросшее беспорядочной бородой, даже крошки пищи показались мальчику в спутанных волосах. Но глаза этого человека поразили гостя: большие, светлые, сверкающие, пронизывающие и ласковые.

– Пан, я тебя позвал, чтобы ты согласился парня своего отдать мне в ученики. Помолчи! Я сегодня первый раз его увидел и нашел в нем способность. Ну, это уже мое дело. Так отдашь?

– Милостивый государь, – церемонно начал Леопольд, но Распутин перебил его:

– Я не о милости прошу, а ради твоей же пользы. Ты не замечал за парнем ничего необычного?

– Нет! – соврал пан и покраснел.

– Ты пошто врешь мне, святому человеку, я же тебя насквозь вижу! Парень твой одарен особой способностью, какой нету у простых людей. При мне он будет присмотрен и в рамках, пока я жив, никто до него не коснется, но ты учти, что акромя меня тьма желающих заполучить такой подарок.

Потом повернулся к Брониславу, который все время молча сидел в кресле и наблюдал за старцем:

– Скажи мне, сынок, тебя пугают догадки какие-то, мысли незнакомые, не свои?

– Да, сударь.

– Я же говорил! – торжественно воскликнул Распутин. – Анна, мадеры!

Та же женщина внесла поднос с тремя бокалами и бутылкой вина, старец мастерски ее откупорил, налил всем по полному:

– За наше сотрудничество во имя Государя Императора и Святой Руси!

– Подождите, пан Распутин, – отец так и не взял наполненный бокал. – Мы ни о чем не договорились. Давайте начнем с того, что если и есть в моем сыне какие-то особые способности от Господа нашего, как могу отдать его вам, православному, человеку иной веры?

Распутин громко расхохотался:

– А как же ты, польская твоя сущность, определил, какому богу я молюсь, если мне самому сие неведомо? Вот что, пан, по приезде во дворец буду вызывать твоего парня, и не вздумай перечить. А пока прощевайте. Анна, проводи!

Несмотря на большое смущение и даже страх, Леопольд возмущался:

– Умеют же русские сотворять себе кумиров! Старец! Я думал, действительно, старик, а он моим летам ровесник!

Бронислава не особо заботили предложения Распутина и реакция папеньки, он все больше растил в своем сердце алую розу почитания и обоготворения Анастасии, которая, как ангел небесный, опустилась перед ним, чтобы смутить и испытать его душу. Он был совершенно уверен, что Господь все продумал за них и свел здесь, в неожиданном Петербурге, чтобы она, красавица и шалунья, вторглась в его размеренную жизнь, измяла ее, возмутила, заставила беззаботного подростка страдать и чувствовать. Завтра надо бежать в аллею, она придет, светлая, как наступившая весна, в легкой накидке, с распущенными богатыми своими волосами, непременно с зонтом от яркого солнца. Если с нею будет воспитательница, разговора и вовсе не получится, да и не будет никого – не намного смелее станет влюбленный мальчишка. И тогда он придумал: письмо! Во всех романах именно письмо выручало молодых людей, когда они лишены были возможности говорить откровенно. Бронислав сел, развернул лист бумаги и замер с пером в руках над белым его пространством. Еще мгновение назад все казалось так просто, а перо не хотело касаться листа, потому что автор так и не нашел еще первого слова. Он хотел обратиться, как и положено: «Ваше Высочество!», но такое показалось ему через чур официальным, да и сама Анастасия несколько раз возмущенно отвергала подобное обращение, вздернув губку: «Ну, вот еще!». И тогда он написал:

«Княжна Анастасия! Не имея возможности каждый день видеть Вас и говорить с Вами, я страдаю и остаюсь один на один со своими чувствами. Вы обратили на меня свой взор, сделав

обыкновенного человека счастливейшим из всех, и я бы не хотел злоупотреблять Вашим вниманием ко мне, которое, возможно, для Вас ничего и не значит. Мои занятия и желание поскорее закончить подготовку не оставляют времени на праздные размышления, но Ваш образ всегда со мной, он в душе моей, и ничем уже теперь его оттуда не вынуть. Я передам Вам это письмо при встрече, и, если это позволительно, просил бы милостиво ответить мне письменно. Преданный Вам Бронислав Лячек».

Вопреки опасениям, Анастасия была в аллее одна, воспитательница сидела с книжкой в дальней беседке. Не доходя нескольких шагов, молодой человек остановился и чопорно поклонился даме. Княжна улыбнулась и тоже кивнула.

– Давайте будем гулять, сегодня такой воздух! Наши все ушли к пруду, смотрят, как садится лед. Вы должны ценить, что я отказалась от столь интересного зрелища ради встречи с вами. – Она кокетливо посмотрела на него.

– Благодарю вас, Ваше Высочество!

– Прекратите сию минуту! Я же разрешила называть меня по имени, тем более, когда мы одни. Я вас зову Боня, вы меня… Настей, так будет приличней. Меня домашние зовут неожиданно и мило – Стана, все буквы в имени местами переставили, получилось забавно, но это только для очень близких, вы не обижайтесь. А еще мы из первых букв своих имен составили коллективное имя для всех сестер: ОТМА – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. Ну-с, довольно. Что еще интересного в эти дни случилось, расскажите, страсть люблю новости.

– Я был вместе с папой в гостях у Распутина.

– Вот как? Отчего такая честь? Что он вам сказал?

– Пригласил он потому, что заметил во мне какие-то способности, сказал, что берет меня к себе на воспитание и для развития этих способностей.

– А способности какие? Боня, не томите душу, у вас есть выдающиеся способности, а я об этом ничего не знаю! Это не честно!

– Право, не знаю, как сказать, Распутин видел меня всего мгновение, и сразу остановил карету, говорил со мной минуту, а вечером вызвал к себе. Понимаете, мне стали являться некоторые картины будущего, возможно, это бред, сон, фантазии, но Распутин настаивает.

– Вы согласились быть его учеником?

– Папенька категорически против. К тому же я готовлюсь в университет, мистика меня не интересует, я хотел бы основательно заняться русской историей и языками.

– Боня, я могу об этом рассказать сестрам или маме?

Бронислав смутился:

– Не уверен, Княжна, что это следует предавать огласке.

Она обрадовалась:

– Хорошо, пусть это будет нашей маленькой тайной.

– Княжна Анастасия!

– Настя!

– Княжна Настя!

– Вы неисправимы! Продолжайте, а то забудете, что хотели сказать.

– Как можно! Я многое хотел вам сказать, но доверился бумаге и передаю это письмо.

– Благодарю вас. Если сочту нужным, отвечу и пришлю лично вам прямо завтра. Чур, уговор: письма прятать как можно лучше, если сестры узнают о нашей переписке, я получу внушение. Мамочка очень строга к этому. Прощайте!

И она тихонько пошла в обратную сторону, предоставив ему несказанное счастье еще раз пройти по ее следам, оставленным на не совсем просохшей дорожке.

Молодой человек еще не мог знать тогда, какое чудесное, единственное в природе человека состояние переживает он, какие изумительные по чистоте и силе подсознательной памяти дни и ночи, ибо и ночами Она виделась ему светло и радостно, и отношения эти, и дневные

редкие, и почти постоянные ночные, отличались от суетности и обыденности бытия, наполняли жизнь и сны похожими ощущениями непреходящего счастья. Бронислав три дня в неделю, когда удавалось видеть Княжну и говорить с нею, считал самыми главными в своей жизни, он нисколько не думал о завтрашнем, будучи безо всякого сомнения уверенным, что все выполнит, постигнет науки, заработает средства, сделает имя – все, чтобы быть достойным самой лучшей барышни на земле. Он помнил грустные слова Анастасии, что их удел – дожидаться во дворце своих принцев и сделать брак не результатом чувств, но инструментом политики, но он знал из европейской истории немало примеров, когда даже наследные принцы отказывались от короны во имя любви, и были счастливы. В его мечтаниях образ веселой шалуньи и несравненной красавицы был всегда рядом, и никакая фантазия не могла заставить его допустить, что все может быть иначе.

Мальчик-слуга принес ему на серебряном отцовском подносе пакет с царским вензелем:

– Пан, вам письмо от Ее Высочества, только что принесла из апартаментов ее фрейлина.

Бронислав вскрыл письмо:

«Боня, можете мною гордиться, я сама рассказала маме о нашем знакомстве, она строгая, но справедливая, и сестры мои, всегда буду им благодарна, отозвались о наших встречах в самых лучших тонах. Потому сегодня приглашаю вас к вечернему чаю, который имеет быть в пять часов вечера. Будут сестры и наследник, я ему сказала о вас, он жаждет познакомиться. Анастасия».

Он забросил уроки и стал выбирать костюм для визита, мама была перепугана и все время подсказывала некоторые детали поведения за чаем. Едва дождавшись половины пятого, Бронислав пошел к парадному, но тут же был встречен незнакомой барышней чуть старше Анастасии:

– Простите, сударь, если вы пан Лячек, то мне приказано передать вам извинения Ее Высочества княжны Анастасии. Вас не могут принять, потому что в доме несчастье, мне разрешено сказать вам под секретом: неожиданно заболел цесаревич Алексей. Княжна завтра в одиннадцать будет в аллее. Извините, я спешу.

Удрученный Бронислав повернул было обратно, но мощный и хорошо знакомый голос остановил его:

– Паныч, я очень спешу к больному царевичу, обожди меня тут, ты мне крайнехонько нужен.

Распутин в холщовой крестьянской рубахе, широких шароварах и хромовых сапогах, домашний и деревенский, нелепо смотрелся в Царскосельской роскоши, но Бронислав понял, что его привезли таким, каким застали в квартире или в гостях. Странно, но старец не пугал молодого человека, в отличие от отца, он не видел ничего такого, что могло бы препятствовать их общению. Прошло более получаса, прежде чем Распутин появился в дверях:

– Иди сюда.

Бронислав поднялся по ступеням. Офицер охраны хотел было что-то сказать, но старец отвел его взмахом руки.

– Иди за мной.

Они прошли коридорами через две залы, Распутин отворил огромную дверь в довольно просто обставленную комнату.

– Здесь будем говорить, царица отвела мне этот угол на случай, если придется заночевать. Ну, тебе об этом знать не надобно. Так вот, милай мой. Ты, определенно, слышал, что я непростой человек, а Божий, мне многое дано, вот сейчас наследнику кровотечение остановил. Доктор Боткин не мог, а я сделал. Евгений Сергеевич ученый человек, а я крестьянин. Ну, довольно об этом. Тебе видения были, какие, скажи? Сон ли являлся или в сознании происходит?

– В сознании, но в болезни, а то и в огорчительных моментах.

– Что видишь, слышишь?

– Вижу лица, чаще знакомые, просто по портретам, слов не слышу, только мысли, то есть, знаю, что они знают.

– Вспомни один момент, к примеру.

– Видел канцлера Вильгельма, потом принца Франца-Фердинанда, потом стал знать, что принца убьют, и потому начнется война, нынешним летом.

Распутин вскочил и стал нервно ходить по комнате.

– Пан Распутин, не нужно этому придавать значение, я в тот день был в горячке, возможно, это бред.

– Если бы, паныч, если бы. Не могут одинаково бредить сразу несколько человек. Что еще видел, другие картины?

– Ничего существенного, в основном юношеские мечтания.

– Ах, как ты толково врешь! Хотя и на этом спасибо. Кто еще знает о твоих видениях?

– Только папенька.

– Скажи ему… А, впрочем, он и без того молчит, как камень. Потребуешься – найду сам. Беги домой, да хранит тебя Господь!

И он широким размашистым русским крестом осенил польского католика.

Анастасия еще раз прислала свою девушку, и Бронислав, наконец, отправился на чай. Анастасия встретила его на просторном крыльце, провела в малую столовую, где уже сидели и беседовали Ольга, Мария и Татьяна. Молодой человек поклонился, девушки привстали, приветствуя гостя, красивая и кокетливая Мария радушно улыбнулась:

– Бронислав, мы уже знакомы, так будьте проще, садитесь, теперь же подадут чай.

Анастасия села напротив гостя, спрашивала об учебе, о скорых экзаменах и тихонько о разговоре со старцем Григорием. Юноша столь же тихо отвечал ей через стол, и тихий этот, как бы полусекретный разговор, рассмешил сестер. Они встали, чтобы уходить, когда в залу вошла императрица в простом просторном платье, комнатных туфлях и с высокой прической. Бронислав вскочил и склонил голову:

– Мамочка, позволь тебе представить моего товарища Бронислава Лячека. Он с отцом прибыл из Варшавы, мы познакомились три месяца назад.

Александра Фёдоровна кивнула и попросила юношу сесть:

– Это о вас, точнее, с вами говорил старец Григорий Распутин?

– Да, Ваше Величество.

– Почему, скажите мне откровенно, вы не имеете желания сотрудничать, или как это лучше сказать, быть вместе со старцем? Поверьте, он очень многому мог бы вас научить.

– Конечно, Ваше Величество, но этому противится мой отец.

Царица недовольно повела головкой:

– В интересах Империи и Государя ваш отец должен это сделать. – И уже совсем тихо, чтобы не слышали дети, добавила: – Старец находит в вас некую силу, которую наши враги могут использовать против России. Попробуйте внушить это своему папе.

Она встала:

– Дети, продолжайте прием гостя, я заберу Ольгу, она нужна мне для работы.

Когда царица вышла, Бронислав почувствовал, как он ослаб, ноги дрожали, чашка с чаем прыгала в его руке. Анастасия весело смеялась:

– Бони, успокойтесь, я же говорила, что мама знает о вас, потому нет ничего предосудительного, что вы у меня на чае.

Они еще несколько времени болтали о пустяках, пока Бронислав не услышал удары больших напольных часов: пора уходить. Анастасия проводила его до дверей, он осторожно наклонился к ее руке, но так и не посмел коснуться.

Вечером отец был очень взволнован, ходил по комнатам в своем длинном цветном халате и возмущался всем: и вмешательством в его работу каких-то людей из Иностранной коллегии, и уже второму визиту этого грязного развратника Распутина, который непременно требует отдать ему сына на воспитание, хотя пан Лячек искренне не может понять, чему способен научить юношу безграмотный и бескультурный мужик, которого эти странные русские почитают почти за святого.

– Ты только подумай, дорогая Ядвига, сегодня он ворвался в мой кабинет, сбросил со стула пачку ценнейших бумаг времен Ивана Великого, и рухнул на него, едва не развалив. Ты знаешь, что он мне сказал? Ты никогда не догадаешься! Ему, якобы, известно, что я выкрещенный еврей уже в третьем поколении, и скрываю это, что он отнимет у нас сына, потому что в Брониславе есть некоторый талант, что вполне естественно, и тот талант зачем-то потребовался этому безумцу. Ты знаешь, он грозил отправить нас в Сибирь. Без сомнения, Распутин был нетрезв, но о Сибири он выразился достаточно уверенно. Меня это крайне волнует, Ядвига.

Жена пыталась его успокоить, что угрозы какого-то Распутина не могут иметь последствий для ученого, занимающегося изучением древних документов, а сына никто не может забрать без согласия отца и матери.

Но на другое утро в кабинет, где работал пан Лячек с помощниками, явился полицейский чин, вручил хозяину под расписку предписание Государя Императора в трехдневный срок отбыть в Тобольск для работы с документами, обнаруженными там в хранилищах Кремля.

– Но, Пресвятая Мария, тут еще столько дел, лишь самое начало! – заплакал пан Леопольд.

– Все будет опечатано и сдано на хранение, куда следует, это не ваша забота.

– Могу я узнать, чем вызвано столь срочное перемещение?

– Только не у меня, – важно сказал полицейский чин. – Я это предписание получил сегодня утром под строгим секретом. Трое суток, пан, я прослежу.

Бронислав был в смятении: уехать в Сибирь, так далеко от Анастасии, не иметь возможности видеть ее, слышать озорной и такой милый голос. Он вышел в парк, вошел в ту беседку, с которой и началось их знакомство, он был уверен, что она очень скоро придет сюда тоже. И она пришла, взволнованная, прямая:

– Бони, я все знаю от мамы, это старец внушил ей, что вы опасны, поскольку не желаете идти к нему в ученики. Мама настаивала, чтобы вас, в крайнем случае, отправили обратно в Варшаву, но старец был неумолим: подальше, в Сибирь! Вы же знаете, он оттуда родом, возможно, надеется там найти с вами общий язык. Бони, я буду писать вам письма.

– А я принес вам подарок, заказал давно, исполнили на прошлой неделе, но все как-то стеснялся. Вот.

И он подал ей хрустальный флакон в форме пышного букета фиалок, внутри бутонов которых виднелась крохотная пробочка. Княжна заплакала:

– Бони, как вы узнали, что фиалки – любимые мои духи?

– Ваше Высочество, запах фиалок всегда окружает вас, даже в моих снах.

– Бони, мы еще столь юны, что не можем говорить о чувствах. Но я верю, настанет время, когда мы скажем друг другу все. Напишите мне сразу по приезде. А флакон этот с моим поцелуем – (она прижала к губам хрустальные цветы) – храните как память обо мне. Уверяю вас, все будет хорошо.

– Княжна!

– Прекратите!

– Дорогая Княжна! Выслушайте меня и не думайте, что я сумасшедший. Мне дано это знание странным путем, и о нем стало известно Распутину. Скоро будет война, потом еще какие-то события, и потом ваш путь тоже лежит в Сибирь. Я не могу вам этого объяснить, но

нас ждет большое горе. Знаю только, что увижу вас еще раз. Видимо, за это знание ваш старец и невзлюбил меня. Прощайте!

Он зарыдал и кинулся аллеей в сторону своего подъезда. Через два дня в мягком вагоне поезда под наблюдением молодого человека из полиции семья Лячеков отбыла на восток.

Тимоха Кузин после смерти отца, церковного старосты и уважаемого в селе человека, был принят обществом как хозяин, и мать его, крутая и властная женщина, терпеливо сносила все выходки сына.

– Ты пошто иконы не отдал комсомольцам, когда они приходили с религией бороться? – ворчала она. – Слышно, в самой Самаре с храмов кресты сбрасывают и иконы жгут прямо на паперти, а ты все поперек.

Тимохе шестнадцать лет, ростом не велик, грамоте обучен не особо важно, зиму в ликбез проходил, «рабы не мы, мы не рабы», плюнул, но расписаться мог. Зато отцовскую библию и другие книги читал еще по родительскому наущению, как-то стал просматривать Откровения и испугался: вот он, конец света, все сходится! В уезде, сказывают, демонстрация вольных женщин проходила на днях, впереди всех совершенно голая шла с плакатом «Бога нет, и стыд долой!».

– Иконы трогать не позволю, – ответил он матери. – И в колхоз ихний вступать не буду.

– Заберут все, злыдень!

– Мое все со мной останется, – ответил Тимоха.

Трое местных активистов пришли раненько, чуть свет, не стесняясь, прошли в передний угол, старший вынул из кармана дождевика тетрадку:

– В колхоз, стало быть, не подаешь? А сколько сеять будешь?

– Сколь Бог даст.

Трое засмеялись:

– Он даст!

– Открывай шире рот, чтобы не промазать.

– Двойным налогом будешь обложен, как единоличник. Это первое. Второе. Мельницу и кузницу мы у тебя реквизируем в пользу колхоза, нечего на народном несчастье рожу наедать.

«Про несчастье ты правильно сказал, хоть и другое имел в виду, а насчет рожи ошибся, кроме добрых слов от людей мало чего нажил батюшка мой», – подумал Тимоха.

Отец Павел Матвеич мастеровой был, углядит где какую новинку, смотришь, а он уж дома такое сообразил, и Тимка тут же, рядом, присматривается, перенимает. Кузницу давно поставили, и по хозяйству что сделать, и для соседей, лемеха к плугам ковать наловчился, зубья боронные, в журнале высмотрел рыхлитель земли, соорудил такой же под парную упряжку. Мельницу сделал от ручного привода, зато жернова из Самары привез, тонко мололи, хлеб славный получался. С самой осени ни дня мельница не стояла, все кто-нибудь с мешком-двумя приедет: «Матвеич, смелем?». «Отчего не смелешь, если крутить будешь?». За услугу с мешка котелочек зерна, так, для вида, названье одно, а не плата. Жена ворчала, а он посмеивался: «У нас своей пашенички полные амбары, эту пойди да курам вытряхни».

Ближе к обеду подъехали на подводе колхозники, по наряду, в глаза не глядят:

– Тимофей, откуль тут начинать, чтобы не нарушить?

– А с любого краю, все едино ничего у вас работать не будет.

– Что уж ты так?

– Потому как правда. Увезете и сложите костром, все так и сгинет. Колхоз, он и есть колхоз.

Отсеялся Кузин вовремя, пашню заборонил, в ночь хороший дождь прошел. Как только застучали капли по оконным стеклам, встал Тимофей перед иконой Николы Угодника и молился до самого рассвета. Почитал этого святого больше других, потому что в раннем дет-

стве явился Никола Тимке и его дружку Ваське, они за гумнами овечек пасли. Зима была суровая, все корма кончились, вот и отправили их отцы на вытаявших бугорках посторожить овечек, может, хоть прошлогодней травкой попользуются. Овцы пасутся, а ребятишки на солнышке греются, и смотрят – мужчина идет со стороны оврагов, там и дорог-то никогда не было, да и не пройти, такие потоки талой воды несутся. А мужчина в фуфайке, на ногах ничего нет, и голова не покрыта. Проходит рядом, молчит, только один раз в их сторону посмотрел. Не по себе стало ребятишкам, собрали они овец и домой. Отец ворчит: «Какой мужчина вам показался? Кто в такую пору будет по степи бродить? Скажи лучше, что надоело, вот и пригнали овец».

А Тимошке страшно, он в дом вошел, кожушок скинул, а взгляд чужой чувствует, поднял глаза: «Господи, вот же кто был, Никола Угодник был на гумнах». Мать выскочила на крик и перенесла на лавку обмякшее тельце сына. Отец уже спокойнее с ним говорил: «Босиком по снегу шел? И без шапки? А как же ты по иконе узнал? Лысый? И взгляд? Ты с ним глазами встретился? Господь тебя благослови! Лежи, отдохни маленько».

Утром пришел колхозный нарядчик:

– Велено обоим с матерью да пару лошадей с боронами на сев.

– А мы отсеялись еще вчера, – с вызовом ответил Тимофей.

– Ты Ваньку-то не валяй, я про колхозный сев говорю. Там еще начать да кончить осталось.

– Скажи своему истукану, что мы не колхозники и на работу нас наряжать не надо.

– Какому истукану, ты чего мелешь?

– Истукан – это идол был у язычников до прихода Христа, ему поклонялись. В колхозе теперь свой истукан, но я крещеный православный христианин, и в другую веру не обращаюсь.

– Ну, Тимка, не миновать тебе ГПУ, если слова твои передам, благодари бога своего, что я ничего не понял, скажу только, что ты отказался.

Все лето чуть не каждый день наведывался Тимофей на свое поле. Пшеница взошла ровная и чистая, и раскустилась богато, и трубку выбросила. А когда колос стал наливаться, вовсе весело на душе стало: быть доброму урожаю!

В августе начали жать, мать вязала снопы, Тимофей составлял в суслоны, на гумно везти не торопился, потому что погода стояла сухая, зерно дозревало в колосе. Намолотили столько, сколь и при отце не бывало, глухой ночью Тимофей перевез десяток мешков домой, да не в амбар, а под крышу избушки на ограде, осторожно доски с фронтона снял, мешки поднял, старой соломой надежно укрыл и доски на место. Днем все зерно на гумнах в мешки ссыпал, одну подводу к колхозному амбару подвез. Председатель, присланный из Самары партийный счетовод овощной конторы, сосчитал мешки и усмехнулся:

– Не густо ты, Кузин, отгрузил родному колхозу.

– Сколько положено по квитанции, столько и привез. – Хотел добавить насчет родного колхоза, но воздержался.

Председатель открыл тетрадку, нашел нужную строку:

– Три десятины пшеницы, рожь, овес, просо. Так. С трех десятин ты не меньше трех сотен пудов намолотил, да поболе, у тебя хлеб хороший стоял. А сдаешь – десять мешков? Нет, не любишь ты советскую власть!

– Дак ведь и она меня не очень любит, гражданин председатель. Сказано товарищем Сталиным, что всякий человек волен жить так, как он хочет, а вы у меня мельницу разворотили, кузню сломали. Где они сейчас? У конюшни свалены в кучу.

Председатель поискал глазами кого-то, но не нашел, велел взвешивать и высыпать зерно.

– А про любовь мы с тобой еще поговорим. Ты у меня как чирей на заднице, все люди как люди, а он единоличник! Ты мне всю отчетность портишь, Кузин, и я тебе обещаю, что ты или в колхоз вступишь, или из села долой.

– Нет такого права! – Тимофей взорвался негодованием. – Нету! Продналог доведен государством – я его выполнил, и делу конец!

Председатель тоже закипел:

– Я буду определять, выполнил ты или нет, понял? Вот жду подмогу, должен подъехать уполномоченный, это специально для таких, как ты, создан партией орган, вот он и выдаст тебе квитанцию, чтобы ты от государства ни зернышка не закурковал!

Уполномоченный приехал вечером на паре вороных лошадей, с человеком в форме и при кобуре. Среди колхозников тоже оказались несознательные, которые помимо колхозной работы подсевали свои полюшки, они тоже облагались, как единоличники, но платить не хотели. С ними разобрались быстро, Тимофея уполномоченный посадил прямо пред собой, рядом бросил полевую сумку и кобуру:

– Почему вы, молодой человек, не хотите жить, как все советские люди, в колхоз не вступаете, от комсомола отказались, иконы, говорят, до сих пор в доме храните. Это правда?

– Да, гражданин начальник, все как есть.

– Вы меня правильно поймите, Тимофей Павлович, человек вы молодой, даже можно сказать – юный, а ведете себя как отчаянный контрреволюционер. Кстати, вы знаете, кто такой уполномоченный НКВД? Вот мы сейчас сидим с вами и мило ведем беседу. Я нахожу, что человек вы начитанный, хотя официального образования не имеете, с вашим знанием народа здешнего вы могли бы стать крупным политическим работником.

Тимофей мял в руках кепку.

– Я говорю с вами, как с равным, потому, что вы отличаетесь от всей этой серой массы. Но я могу сейчас же лишить вас жизни. Вот какая нынче острая политика.

– Я не интересуюсь политикой, тем более такой политикой, которая напрочь отрицает Христа, а я верующий человек, и таким останусь.

Уполномоченный очень удивился:

– Это кто же вам сказал, что мы отрицаем Иисуса нашего Христа? Это провокационная глупость неграмотного сектанта. Вы-то знаете десять заповедей, так я вам признаюсь, что коммунисты считают эту его установку чуть ли не своей программой в области морали. Да! Мы боремся с церковниками, которые извратили учение Христа и великую философию сделали догмой. Важна мораль, к которой призывал Иисус, а не завывания хора из десятка старух, чад от паникадила и просфорки в конце службы, а то еще и вино как кровь Христова. Согласитесь, что это чушь.

– Никогда не соглашусь, потому что причастие, которое вы высмеиваете, сам Господь совершил первым и нам заповедал. Как от этого можно отказаться?

– Я вам отвечу. Со временем. Не сразу, но можно. Вам, наверняка приходилось наблюдать, как младенца отлучают от груди. Время подошло, а он еще не понимает. Нужны дополнительные усилия, чтобы вызвать у младенца отвращение к тому, что вчера еще он считал самым важным. Теперь к делу. Мне рассказали о вашей мельнице, маслобойке и прочих изобретениях. Не стану вникать в детали, наверняка там не все совершенно, но сама способность мыслить уже заслуживает внимания. Продналог ваш оставим в покое, хотя у меня есть сведения, что вы сумели-таки припрятать от советской власти энное количество пудов. Ну-ну! Об этом никто не узнает, только мне интересно, за что вы не любите советскую власть? Ведь вы же ее совсем не знаете! Только за ее отрицание церкви?

Тимофей осмелел настолько, что уже не контролировал своих слов:

– За уничтожение крестьянина тоже не могу уважать. Как же можно согнать всех в одну артель и заставить работать не для будущего хлеба, а для крыжика в тетрадке у бригадира? Раньше тоже артельно работали, например, дома строили или другой подряд, но тогда люди собирались сами, по интересу, а не абы как. Если ты, к примеру, лодырь, кто тебя в артель возьмет? А в колхозе всем можно, и труженик, и лодырь – всем одна отметка в тетради. Дума-

ете, после этого хлеб вырастет? Да ни в жисть! Уж коли вы про мои запасы знаете, до конца скажу, за все разом отвечать. Колхоз намолотил нынче едва ли по сорок пудов с десятины, а у меня чуть не сто обернулось. Отчего? Оттого, что свое, я жил в поле, а не по наряду ездил.

Уполномоченный внимательно осмотрел Тимофея: ростом мал, но кряжист, крепок, ум цепкий, прямота даже опасная. Надо прибрать его к рукам, такие ребята могут горы свернуть!

– Давайте так: управляйтесь с хозяйством и приезжайте в Самару после революционных праздников. Мы с вами спланируем всю дальнейшую жизнь. Согласны?

Тимофей промолчал.

– Ну, что ж, на первый раз и этого достаточно.

С матерью своею, которая уже успела смириться с судьбой и была готова жить, да и жила по новым законам власти, Тимофей своими думами не делился. Он запряг в легонький ходок резвую лошадку, которую еще отец Павел Матвеевич назвал Певуньей, и поехал к священнику Тихону, последнему оставшемуся в округе протоиерею, хорошему товарищу отца. Священник был в храме один, он вышел из алтаря настороженно, но, увидев знакомого, улыбнулся:

– Милости прошу в храм, сын мой, а я уж боялся, что одному придется служить последний молебен.

Тимофей встал на колени:

– Благослови, батюшка!

– Господь тебя благословил! Восстань, Тимофей, и начнем молиться, ибо к вечеру велено мне покинуть храм.

– И куда же вы?

– Об этом потом. «Миром Господу помолимся!» – воспел протоиерей и заплакал.

Тимофей несмело продолжил службу, и благодарный священник только через минуту смог присоединить свой голос. Так они вдвоем читали тексты Евангелья и пели псалмы и тропари. Окончив службу, наверное, самую краткую за всю трехвековую историю храма, они благословили друг друга, обошли все иконы, намоленные многими поколениями православных, каждой поклонились и к каждой приложились. Встав в алтарных дверях и не посмевший войти в святая святых, Тимофей заметил, что нескольких икон нет на привычных местах.

– Я собрал самые старые иконы и в промасленной тряпице предал земле. Место я зарисовал, все думал, кому довериться, да вот тебя Господь послал. А теперь воспоем «вечную память» всем, кто молился в этом храме, и покинем его до прихода Антихристовых слуг. Я не смогу видеть, как они будут… – голос его задрожал, он заплакал и вышел на паперть, трижды встав на колени и опустив голову до затоптанных и давно не мытых плах церковного пола.

Во дворе дома священника они сели под навесом в плетеные ивовые кресла. Отец Тихон успокоился, но говорил только о храме:

– Иоан Четвертый после Казани повелел заложить этот храм Воздвиженья Креста Господня, тысячи народов молились здесь, и своих, и проезжающих в восточные сибирские края, кто по интересу, а кто и не по своей воле, но нога врага не ступала тут. И что же? Приходят вроде русские люди, крещеные, православные, заявляют, что Бога нет, потому церковь должна быть ликвидирована. Собрали всю позолоту и серебряную утварь, ну, да Бог бы с ней, пусть, коли нужна она голодающим людям. Но служить-то отчего нельзя? Нет, нельзя, сейчас вера будет другая. Мне показывали портрет их нового бога, так это же сатана, воистину сатана! Троцкий фамилия, но, слышал, что он из евреев, Бронштейн. Если так, то они православие вырвут с корнем, они давно к нему тянулись, но Государь охранял церковь Христову. Так они сначала Государя убрали, а теперь до веры дорвались. Попов, говорит, будем вешать, – сказал он безразлично. – Видно, все на круги своя, и нам предстоит пройти путь мучений Господних.

– А дочки ваши как же?

– Отправил в Самару, к сестре своей Апросинье, она скромно живет, возможно, не тронут. А тебя ко мне что гонит?

Тимофей рассказал о встрече с большим начальником и о его предложении ехать учиться, предположил, что единолично жить ему не дадут, а в колхоз идти противно духу.

– Мать-то проживет без тебя?

– Там еще сестра, проживут, они и в колхоз готовы, да и хлеба я приберег малость.

– Тогда надо тебе уходить как можно дальше. Сначала учебой заманят, потом властью искушение сделают, богатством. Можешь не устоять и продашь душу свою, прости меня, Господи!

Совсем опечалился Тимофей, но он шел за советом и получил его.

– Куда же податься, отец Тихон?

– В Сибирь надо идти, там места глухие, да и народ другой, возможно, судьба повернется. Я все время от староверов вести имел, Епархия мои сношения с раскольниками не одобряла, но мне любы были их убеждения и твердость достойная, потому я списывался и многое знал. До последнего времени большими общинами в таежных краях жили, властям неведомые. Вот к ним бы тебе пристать!

– Как можно, отец Тихон, ведь ересь учение их!

– Глупо сказано, а ты повторил. Учение их чисто Христово, это мы отступники, убоялись всенощного бдения, разом служим и вечернюю, и заутреннюю, за животом идем, а не за верой. Ну, довольно, теперь и об этом говорить уже поздно. В Сибирь, сын мой, там спасение.

– А вы?

– А за мной вот уже и легионеры!

На телеге подъехали трое милиционеров.

– Гражданин Анохин? А вы кто? У нас ордер только на одного.

– Это случайный прохожий, зашел водицы испить.

– Небось, святой, – хохотнул рябой конвоир.

– А ныне в России всякая вода святая, – негромко произнес отец Тихон. – Прощай, сын мой Тимофей. Да, виденье то, что при батюшке Павле Матвеевиче поведал, храни в сердце своем, оно тебя еще и спасет и призовет.

– Э-э-э, да парень этот тоже, видать, не простой, может, и его прихватим?

– Сказано же тебе, что ордер на одного, вот одного и вези. А ты готов всю деревню разом пересажать, – лениво ответил старший.

– Всех их надо к ногтю, всех, одна это шайка-лейка, – брызгал слюной рябой.

Тимофей подошел к священнику. Он уже разоблачился, ряса и крест лежали в телеге, на отце Тихоне была простая фуфайка.

– Благословите, Отче!

– Господь с тобой!

Телега загрохотала по замерзающей уже земле.

Дома он собрал мешок с пожитками и двумя булками уже подсушенного хлеба, помолился перед иконой Николая Чудотворца, матери сказал:

– У властей я бумагу взял, что в город подался, а где окажусь – сам не знаю. Писать буду редко. Тятину могилку не забывайте.

– А мы как же? – всхлипнула сестра.

– Пишитесь в колхоз, так и скажите, что брат бросил, жить чем-то надо. Вас примут, весь инвентарь в исправности, пара лошадей, примут. Худо-бедно – прокормитесь, а там видно будет.

Поклонившись матери в пояс, он еще до рассвета подался в сторону станции, в «телятнике» больше молчал, прислушивался, из всех мужиков выделил двух бородачей, видно, братьев, держались они степенно и с достоинством, в мешках острый Тимкин глаз заметил плотницкий инструмент.

– Отцы честные, не подскажете ли, где сыскать мне работу, чтобы по силам и семью прокормить. Мать у меня осталась в деревне.

– А ты отчего из деревни махнул?

Тимофей наклонился к ним поближе:

– В колхоз не хочу, вера не позволяет. А единолично жить не дают.

– Ты каких краев? – поинтересовался старший.

– Самарский.

– А что робить можешь? – младший спросил.

– По хозяйству все могу, а настоящему делу не обучен, отец рано помер.

– Топор из рук не выпадат?

– Нет! С топором мы в товарищах.

– Вот что, – подытожил старший. – Меня зовут Трифоном, а его Агафоном, мы из-за Москвы, едем по вызову в Екатеринбург, Свердловск по-нынешнему, рубить больницу в районе. Могу взять, но условия у меня суровые: ни мата, ни водки, работа от темна до темна, потому что больница большая, а сдать надо к осени. Оплатой не обижу, включу в договор, если документы в порядке.

Тимофей кивнул.

– Тогда спи пока, я перед станцией подниму.

Тимофей свернулся калачиком под нарами и уснул. Ему снилась длинная и чистая дорога в березовом лесу, он шел по ней с незнакомым мужчиной и говорил о светлом. Солнце в верхушках берез разбивалось вдребезги и осыпало их звездами своих осколков. Сбоку на дорогу вышел мужчина в фуфайке, с непокрытой лысой головой и босой. Тимка остановился: «Это Никола Угодник, я хочу ему поклониться». Он упал на колени и трижды прочитал «Отче наш». Когда поднял голову, никого рядом не было, а дорога впереди виделась ухабистой и размытой дождями.

– Топор ты держишь правильно, а удара настоящего нет. Погляди, тебе следует чашку угловую вырубить, это с четверть надо выбрать. Я ударяю по три раза с каждой стороны, ты долбишь, как дятел, слушать тошно, не то, что глядеть. – Трифон не ворчал, не ругался, он учил. – Ты в кузнице бывал?

– Конечно!

– Видал, как кузнецы работают: у них на каждый удар расчет, потому что попусту махать молотом накладно, к вечеру падешь, а сделанного нету. И у нас так. Силу в топор вкладывай, когда опускать начал, пока он летит, пусть рука отдохнет. Понял?

Тимофей легко осваивал новую работу, Трифон с Агафоном его хвалили, но он сильно уставал, и, когда работа заканчивалась (Трифон кричал: «Точи топоры к завтрашнему дню!»), Тимофей уходил в старый больничный пристрой, где обитала бригада, мылся холодной водой из бочки, наскоро ужинал и молился. За упокой души отца своего раба Божьего Павла, за здоровье матери и сестры и всех родственников, просил Николая Угодника дать ему сил отработать этот подряд. Засыпал сразу, но и вставал, как только поднимались старшие.

Когда стали ставить сруб на мох, пригласили сельских девчонок мох раскладывать по пазам. Одна шустренькая, Нюркой зовут подружки, все к Тимке жмется, где он, там и она с охапкой мха. Вечером Агафон шепнул ему:

– Ты чего это от девки бежишь? Гляди, вон она, в роще, тебя поджидает. Иди, я Трифону не проболтаюсь.

– Нет, дядя Агафон, не пойду. Жениться мне еще нельзя, ни дома, ни хозяйства, а просто так – грех это, блуд.

– А я бы сблудил, – вздохнул Агафон, – да брательник тоже больно правильный, он и бабе жаловаться не будет, сам всыплет.

– Верующий брат-то?

– Староверы мы, двоедане, ну, это по-старому, теперь уж отходит эта мода, а брат чуть что – в рыло. Я-то не особо верующий, а этот – того и гляди, крылышки вырастут.

– Не богохульствуй, дядя Агафон, грех это.

Агафон махнул рукой:

– У вас с братом все грех, а я как гляну на девчонок, когда у них подолы ветром приподнимет, в глазах темно. Твоя-то рыженькая вся в соку, наклонится за мохом, груди того и гляди из кофточки выпадут, а сзади и смотреть больно.

– Все, дядя Агафон, сил нет ваши искушения слушать. Тот уж грешник, кто согрешил в сердце своем. А вы совсем погрязли в грязных мыслях.

Агафон вздохнул и собрался уходить, только Тимофей заметил, что тот не в пристройку направился, а к лесочку, где между берез прогуливалась Нюрка. Он и сам видел, что ладная девка, что к нему льнет, и охота было схватить ее в охапку, обнять и потискать, только боязнь греха держала его. Он прилег в своем закутке и сразу уснул, даже сон видел, что лежит дома на теплой печке, а мать подтыкает одеяло под бок, чтобы не поддувало. Очнулся, потому что кто-то рот ему перекрыл, сперва ничего не понял, а вырвавшись из объятий, Нюрку узнал, обняла она его крепко и целовала тоже крепко, и совсем голенькая была:

– Тима, чего ты меня сторонишься? Я ведь не пройда какая, я честная, полюбился ты мне, а дядя Агафон научил.

Тимофей уже ничего не понимал. Они были счастливо молоды и неопытны.

Лето приближалось к сентябрю, на стройке все чаще появлялся заведующий больницей Василий Алексеевич. Трифон доложил начальнику:

– Завтра к обеду будем первую матицу подымать да укладывать, надо бы на кухню пирог рыбный заказать, такой обычай.

Заведующий кивнул:

– Закажем, и про обычай знаю, сам приду и спирта по этому случаю выпишу.

Трифон возразил:

– Спирта не надо, больным его оставьте, мы люди непьющие.

– Совсем, что ли? – удивился Василий Алексеевич.

– Навовсе. Вера не позволяет.

– Так вы не христиане разве?

– Самые что ни на есть настоящие православные, только старой веры, – сурово ответил Трифон и стал работать топором.

Толстое бревно, аккуратно обтесанное под квадрат, было готово к подъему. С торцовой стороны здания положили поката, ровные длинные слеги, пропустили под матку три прочных веревки, с краев и посередине, одни концы закрепили наверху, за другие приготовились тянуть. По такому случаю пригласили больничных рабочих – одним тут не справиться. По команде Трифона трое наверху потянули веревки и трое внизу помогали им, дружно упираясь в матку крепкими жердями. Тяжелая матка со скрипом продвигалась по лагам, Трифон монотонно давал отчеты:

– Три, четыре – пошла, перехватились, три, четыре – пошла.

Когда матку водрузили в подготовленное место, Тимку направили по ней привязать посередине пирог, завернутый в чистый бабий платок. С другой стороны к Тимке вышел Трифон с топором, внизу уже проинструктированный стоял Василий Алексеевич.

– Готов, Лексеич? – и Трифон ударил по веревочкам, пирог камнем полетел прямо в руки заведующего. Раздался гул одобрения, народу собралось много, все-таки событие, да и про спирт слух прошел. Пирог разрезали, каждому досталось по кусочку. Трифон первым вытер губы и поднялся:

– С великой нас всех работой, благодарность и за помощь, и за соблюдение обычая русского. А теперича пошли паужинать.

После сдачи больничного корпуса заведующий выдал работникам полный расчет и еще по рабочему костюму, сапогам и фуфайке. Тимофей таких денег вовек не держал в руках. Трифон научил:

– Попроси Нюру, пусть мешочек сошьет и к рубахе тебе под мышки приторочит, иначе улизнут твои денежки.

Вечером Василий Алексеевич пригласил всех на ужин в больничной кухне, пообещал, что спиртного не будет. Благодарил за работу и предлагал остаться:

– На первое время работу вам найду, пока лес подвезут, а потом опять будем новый корпус делать. Соглашайтесь, расценка хорошая, добьюсь в райфо, чтобы разрешили премиальные в договор включить? А? Соглашайтесь, мужики.

За всех ответил Трифон:

– Спасибо тебе на добром слове, Лексеевич, хороший ты человек, только оставаться нам никак нельзя, семьи у нас дома, детки. Вот Тимофей вполне может остаться, он человек свободный. Его пристройте, а весной, Бог даст, мы подъедем, если все сложится.

– Тогда и я тоже до весны, дядя Трифон, дома мать с сестрой, пишут, что неладно в колхозишке-то.

Заведующий пообещал завтра подводу дать до станции, Агафон с Трифоном пошли спать, к Тимошке пришла Анна.

– Ну, и что ты плачешь, дуреха? Как же я домой-то не поеду, подумай сама. А тебя пока взять не смогу, потому сам не определен, как жить стану – неизвестно.

– Бросишь меня, ни девка, ни баба, ни мужняя жена. Я тяте сказала, будто замуж меня возьмешь, а то он убил бы, что хожу к тебе ночами.

Тимофею жалко было оставлять Нюрку, свыкся он с ней, да и девка она хорошая, добрая.

– Грех мы с тобой сделали, Нюра, Бог не простит. Не венчаны в постелю упали, как муж с женой.

– И что из того? – грозно спросила Нюрка.

– А то, что грех, молиться надо.

– Ишь, как ты заговорил! Чтой-то я не помню, чтоб ты молился, когда за груди меня ухватил и лобызал, как теленок. Аль забыл? И почему твой Бог тогда тебя дрючком не дернул, чтобы ты охолонул?

– Дьявол, Анна, по пятам ходит, все норовит в грех ввести. Человек слаб.

– Дак вы еще пополам с дьяволом со мной игры под одеялом устраивали? Ну, Тима, не думала я, что ты такой злой да хитрющий, и хорошо, что не позвал к себе в деревню, а то всю жизнь каялась бы, что с недобрым человеком связалась.

Тимофей понял, что лишнего наговорил. Он уже молился за свой грех, вот только на исповедь сходить некуда, до ближайшей церкви день езды. «Сатана подсунул мне Нюрку, и не устоял. Слаба вера, вот и впал во искушение. За зиму отмолю», – успокаивал он себя после первой ночи, но потом Нюра приходила снова, и Тимофей забывал о своем раскаянии.

Возвращался Арсений с лесозаготовок сильно физически окрепший и возмужавший, тайга его не вымотала, потому что все-таки не за комель бревно брал, а за вершинку, она полегче, – так шутили в тайге… Он был хорошо одет, в кармане шерстяного пиджака лежали заработанные деньги. Купил билет до Ишима, больше некуда ехать, кроме Лидочки Чернухиной, чьим братом все это время существовал, пока чекисты отлавливали, кто хоть какое-то отношение имел к старому режиму.

О расправе над царской семьей узнал от приехавшего из Екатеринбурга инженера Игумнова, тот не первый раз бывал на производстве и приметил толкового паренька из рабочих.

– Сообщили, что расстреляли только Николая Александровича, но это чушь, убили всех.

– Как же всех!? За что? Стану за что? Неправда! Это подлая фальшивка, ложь, эта власть может только лгать, лгать…

Он задохнулся и рухнул ничком, ударившись лицом о землю. Инженер напугался и неожиданных выкриков вдруг разгорячившегося молодого человека, и внезапного обморока. Игумнов крикнул людей, Арсения унесли в лазарет, трое суток он был без сознания, спокойный доктор назвал это шоком и сказал, что лечить нечем, само должно пройти, организм молодой.

– А причина в чем? – спросил он Игумнова.

Инженер соврал, что молодая жена у парня при родах померла.

Через неделю Чернухина отправили на работу, потому что встала шпалорезка, и никто, кроме него, не мог разобраться. Арсений нашел причину поломки, сказал слесарям, что надо разбирать и прилег на прохладных ровных шпалах.

Слесари, присланные из вагонного депо, привычно копались в машине и переговаривались. Арсений дремал, но слово «царевна» подняло его.

– Вот кум и говорит, что младшенькая царевна, не знаю имя, сбежала.

– Да ну, враки это, куда там сбежишь, когда кругом солдаты?

– Ну, не знаю, за что купил, за то и продаю. Только кум сказал еще, что по всему городу тревога, и поезда обыскивают. Значит, было дело, не без того…

Арсений с трудом удержался от вопросов, он и без того верил, что Стана, проворная и решительная, действительно могла обмануть охрану и скрыться. Почерневшая от горя его душа снова освятилась любимым образом, и жизнь обрела смысл, и до встречи с Анастасией, казалось, остались только мгновения, так долго он ее ждал.

В станционном ресторане за соседним столиком заметил мужчину, и странное дело: само лицо никого не напоминало, а вот профиль… профиль Арсений узнал, он принадлежал офицеру охраны Его Императорского Величества, именно тому офицеру по фамилии Урманский, который неоднократно перекрывал ему доступ в апартаменты Их Высочеств, когда он приходил по приглашению Княжны, а девушка из покоев еще не успевала выйти для встречи. Взволнованный Арсений не знал, что делать: подходить небезопасно, неизвестно, кем сегодня состоит при власти этот по-деловому одетый и чисто выбритый гражданин; с другой стороны, если и признает, что маловероятно, едва ли заговорит всерьез. Наконец, Арсений решился и сел напротив Урманского:

– Простите, милостивый государь, чтобы не вызывать ваших сомнений, напомню о себе сразу: в четырнадцатом году вы неоднажды преграждали путь во внутренние покои одного из важных зданий под Петербургом молодому человеку, почти мальчику. Это был я. Тогда фамилия моя была Лячек, отец привез нашу семью из Варшавы. А потом спасала меня от вашей бдительности прислуга молодой особы по имени Анастасия.

Урманский побледнел, но быстро взял себя в руки:

– Всего, что вы тут наговорили, достаточно, чтобы поставить нас обоих к ближайшей стенке. Прошло столько лет, как вы меня узнали? И кто вы сегодня, если не Лячек?

– Моя новая фамилия нужна была, чтобы спастись, но не это главное. Умоляю, хоть что-нибудь сверх того, что писали газеты о гибели фамилии. Хоть что-нибудь!

– Черт побери, как вы меня признали? Я же изменил лицо!

– Но остался профиль, который почему-то запомнился мне больше. Не беспокойтесь, я не стану вас тревожить и не буду больше спрашивать, если вы скажете мне хоть что-нибудь.

– Ищите за городом место «Ганина яма», их тела, прости Господи! сбросили в шахту. Это все. И будьте осторожны, там могут быть агенты. А теперь прощайте. Хотя нет, где вас можно найти при случае?

– Не могу точно сказать, еду в Ишим, но сколько там буду – неведомо, надо искать подходящее место.

– В первое воскресенье июня, в полдень, можете быть здесь, в открытой пивнушке за вокзалом? Это крайне важно.

– Буду.

– Прощайте. До встречи.

Арсений вышел из вокзала, прошел площадь, около часа пешком шагал в случайно выбранном направлении, наконец, остановил бойкого мужичка на доброй лошадке:

– Отец, сколько возьмешь до «Ганиной ямы»?

Мужик утратил веселость, подстраховался:

– «Четыре братца»? Туда без особой нужды не ездят. Вам какая потребность?

– Служебная. По тайному сыску я. Документ предъявить?

– Да мы что, не люди, что ли, и без того видать, что по делу человек, а не просто из любопытства.

– Что же любопытного в тех местах? И почему мне назвали «Ганиной ямой», а вы о «братцах»?

– Да как вам сказать? Когда-то четыре больших сосны там росли, вот и братья. А еще говорят, царя с семьей там в шахту спустили в восемнадцатом, да кто знает?

– Значит, довезешь?

Сухая погода спасла дорогу от канав и колдобин, ехали молча, Арсений прилег на раскинутый войлок, подложив котомку под голову. Ни о чем не думалось, точнее, он боялся думать. Это первая встреча с нею неживою. Он вспоминал ее лицо за чайным столом, в летней аллее, в тамбуре вагона и в окне губернаторского дома в Тобольске. Картины менялись, она улыбалась, грозила пальчиком, печально махала ручкой. Появилась просторная поляна в сосновом лесу, грязная, запущенная, с таинственной ямой посредине, контуры часовни возникли и исчезли, а потом Стана оказалась совсем рядом, и «Меня здесь не ищи» – странная фраза возникла в сознании. Арсений сел. Солнце стояло в зените.

– Еще не скоро? – спросил возницу.

– Да почти что…

Мужик остановился прямо посреди дороги.

– Отсюда пожалуйте пешком, нежелательно мне там появляться, вмиг попадешь в списки.

Арсений подал ему деньги:

– Подождите часа два. Если не будет меня, уезжайте. Но подождите. За обратный путь плачу вдвое.

Он пошел указанной тропинкой. Поляна открылась неожиданно быстро, людей не было, хотя трава примята изрядно. Заметил несколько огарков свечей. Грубыми сосновыми жердями на необтесанных столбах огорожено жерло колодца или шахты. Арсений подошел ближе и положил голову на пахнущее смолой дерево изгороди. Кладбищенская тишина. Одинокий комар прозвенел над ухом и скрылся. «Меня здесь не ищи!» – что это: ее указание или фантазия воспаленного мозга? Если не здесь, то где же?

«Стана, милая девочка, дай знать, если ты тут, я навсегда останусь рядом. Дай знать».

Он обошел изгородь по кругу и остановился перед неожиданной россыпью лесных фиалок, ноги подкосились, он почти без памяти встал на колени перед любимыми цветами Княжны. Опустившись лицом в траву, он несколько минут молча прислушивался к себе – нет, ничего не шепнула ему Анастасия. Стоя на коленях, вытер платком лицо и вздрогнул: фиалок не было! Осторожно осмотрелся – ни одного цветка. «Я должен был сорвать хотя бы одну былинку, или это было видение? Если так, то действительно она дает знать, что тут ее нет. Жива?».

Арсений встал, поправил одежду и поклонился огороженному месту. Странно, но у него так и не возникло чувства, что он кланяется праху дорогих ему людей. Стараясь не думать об этом, он пошел в сторону ожидавшей его подводы.

– Остановись, сынок! – услышал он слабый женский голос. – Прости меня, я все время за тобой наблюдаю, так и промолчала бы, да что-то тебя мучает.

Арсений только теперь заметил маленькую сухонькую женщину, одетую монашкой, довольно старую.

– Не грешно ли созерцать чужие страсти? – спросил он.

– Нет, сын мой, если бескорыстно. Я тут рядом живу в землянке, молюсь за безвинно убиенных царя, царицу и детушек их.

– Вы их знали?

– Конечно! Но не видела никогда, слышала только, что младшенькая царевна, Настасья, Божественным промыслом спасена была и теперь жива.

Арсений поднялся над чахлыми сосновыми порослями, над зловещей ямой, ему виделся Царскосельский парк и маленькая девочка в простенькой шубке, бросающая в него снежки. «Господи, ты услышал меня, прости, я много раз был несправедлив, обвиняя тебя в бессердечности. Прости меня, за Анастасию я всю жизнь буду молиться и бояться тебя». Он с трудом пришел в себя, счастливый и плачущий, подхватил монашку на руки, рыдал и смеялся, еще ничего до конца не понимая:

– Где она сейчас? Почему вы знаете, что она спаслась? Как найти?

– Опусти меня на грешную землю, – попросила старушка. – Негоже монашке в мои лета мужские руки ощущать. А слух такой, что жива она осталась волей Божией и спасается в монастыре.

– Где, в каком?

– А кто ты будешь, мил человек, чтобы все тебе выложить? Может, ты из органов да по ее душу?

– Бог с вами, матушка, я знал ее девочкой в четырнадцатом году, потом мы расстались и виделись только на мгновение в восемнадцатом в Тобольске и в Тюмени.

– Перекрестись!

– Нет, матушка, креститься пока не стану, с Господом у нас особые отношения, но честью своей клянусь, что говорю правду.

– Поверю. Поезжай в Долматовский монастырь, его тоже разогнали, но несколько монашек спасаются, спросишь среди них матушку Евлоху, должно быть, жива еще. Она знает. А теперь ступай.

Ишим показался ему нищим и грязным, он прошел от вокзала узкой и разбитой улицей к дому Лидочки Чернухиной, сестры и жены. Она так испугалась его появления, что даже слова вымолвить не смогла. Девочка лет пяти сидела в углу комнаты и играла тряпичными куклами. Он поднял ее на руки:

– Как зовут тебя, дочь моя? Знаю, что дочка у меня есть, а имени не знаю. Ну, как же имя твое?

– Анастасия.

Арсений пошатнулся, дыхание смешалось, сердце стучалось наружу в самом горлышке. Он нащупал табуретку и тяжело сел. Лида испугалась:

– Что, Арсюша, не нравится имя тебе? Так сам же сказал.

– Когда? Что ты несешь, когда я мог тебе это сказать, ежели мы не виделись более пяти лет? – он с ужасом поднял на нее глаза. Лида, испуганная, села перед ним на корточки, заботливо заглянула в глаза.

– Во сне мне явился и сказал, чтобы дочку назвала Анастасией.

Арсений огляделся:

– Где мама?

– Схоронила прошлым летом, неделю только и похворала. Деньги мне твой человек приносил, но я не тратила много, тебя ждала. А разве письма через него нельзя было передать?

– Нельзя. – Он сказал это слишком строго, смутился, поправился: – Нельзя, Лида, письмо – не деньги, его ничем не оправдать в случае чего.

Она пожарила ему картошку на керосинке, все лепетала что-то, а Арсений держал на коленях девочку с любимым именем, родную кровь свою, но отцовское чувство не проклюнулось еще в глубинах истерзанной души.

– Ты мой папа?

– Конечно, Настасьюшка, это твой папа. Только, Арсюша, может, лучше тятей называть? Папа – это по-вашему, а мы же… из простых.

– Не знаю, решай сама.

– А где он был? – не унималась девочка.

– Далеко. Денежки нам с тобой зарабатывал. Арсюша, я тебе принесу деньги-то, они у меня прибраны.

Он впервые за много лет лежал под мягким одеялом рядом с молодой и красивой женщиной, матерью его дочери. В том он нисколько не сомневался, потому что тихонько осмотрел головку ребенка и за левым ушком нашел, что искал: большую родинку, сопровождавшую всех представителей рода Лячеков уже много веков. Не знавший женской ласки, он порой находил поступки и слова Лиды вульгарными и пошлыми, но теперь это была его жизнь, и надо было к ней привыкать. Странно, но он не испытывал ревности, хотя более четырех лет молодая женщина жила одна, без мужа, да и тот энкаведешник, наверняка не сразу от нее отстал, тем более, что братец скрылся так неожиданно. Об этом не думалось, даже если и был кто-то у Лиды, она имела на это право, потому что он, муж и отец их ребенка, был неизвестно где. Она имела право, а он не мог ее ни в чем упрекнуть.

Утром сказал, что завтра уедет на неделю, потом вернется и устроится на работу.

– Все будет хорошо, правда, Анастасия?

Он заглядывал в ее лицо и видел то, другое, это так сильно пугало его, что девочка дважды принималась плакать. Часть денег из привезенных с лесозаготовок он попросил Лиду хорошенько прибрать, с собой взял самую малую сумму.

– Арсюша, как с документами-то быть? Мы же не брат с сестрой, да и теперь все увидят, что семья. Может, уехать куда?

– Куда? – тоскливо переспросил Арсений. Как он мог сказать ей, что живет только крохотной надеждой, даже иллюзией, и все остальное для него за пределами жизни. – Дай мне неделю сроку, потом займусь семейными делами.

В Долматовском монастыре, до которого добирался несколько суток, его приняли при входе три монашки очень настороженно, а когда спросил о матушке Евлохе, старушки и вовсе закрестились:

– Слаба телесно стала настоятельница, – проплакала одна из них. – Ты бы, мил человек, сказал, по какому делу к ней, и кто ты есть, и откуда про матушку узнал? Без того не можем доложить, слаба она.

Арсений рассказал все, что касалось Анастасии, умолчав о смене имени и почти нелегальном своем положении. Он заметил, что более всего подействовало упоминание о монашке у Ганиной Ямы, похоже, старушки знали о ней:

– Жива еще? – удивилась старшая. – Когда ты ее видел?

– Неделю назад.

– Ишь ты, жива! Молитесь о ней, сестры! Посиди тут, я дойду до матушки, потом позову, если Бог даст.

Настоятельница приняла его в своей келье. Она сидела на жестком топчане, накрытом суконным солдатским одеялом, два грубо сработанных табурета и маленький стол чуть в стороне, в углу и на стенах старые закопченные иконы, перед Спасителем горит лампадка. Арсений поклонился матушке в пояс и поздоровался.

– Бога, стало быть, не признаешь и лба не крестишь? – скрипучим голосом констатировала монашка.

– Простите, матушка, веры нет, а обманывать не могу.

– И то хорошо. Что сказала тебе сестра наша при могиле невинно убиенного семейства Государева?

– Сказала, что Ее Высочество Анастасия Николаевна чудом осталась жива и обитает где-то в монастыре, а где точно, про то у вас велено было спросить.

– Это как же ты смог в душу ее войти, коли она крест целовала о святой тайне?

– Не знаю, матушка, наверно, горе мое ее убедило, что надо помочь.

– Пусть так. Молиться будем за отступление ее от слова клятвенного. Сестры пересказали мне твое бытие, только скажи: откуда у тебя сама мысль родилась о чуде спасения Княжны? А если все погибли, и ты упокоенную на небесах уж много лет на земле ищешь?

Арсений зарыдал, опустившись на корточки и закрыв лицо руками:

– Матушка, я и сам думаю, будь я уверен, что она погибла – мне бы легче стало, я бы немедля к ней ушел. С такой мыслью и Яму эту искал, с такой думкой и плакал на безобразной той ограде святого места. Но с детских лет была у меня странность: знать о событиях за много времени вперед, за это меня Распутин хотел к себе взять, а папенька возмутился, вот тогда-то и отправили нас в Сибирь. Я после ареста родителей вообще никому не говорил о своих предвидениях, в народ ушел, пытался семью завести, да эта власть все приломала, я даже ребенка своего принять не могу, потому что жена моя по документам сестра, чем и спасли меня, когда в тифу лежал. На днях к Ганиной Яме на подводе ехал, прилег и не уснул даже, как родной голосок ее услышал: «Не ищи меня тут, нет меня здесь». Я понимаю, что эта способность дана мне свыше, и голос этот не мог быть случайным, это она говорила мне. Значит, жива, я верю в это, а коли так – найду ее.

Настоятельница сидела на своем ложе, сложив большие руки на коленях и шепча молитву. Арсений трепетно молчал. Наконец, она открыла глаза:

– Скажу сестрам, чтобы накормили тебя и в дорогу дали чего. А пойдешь ты, раб Божий, в Чусовскую обитель, я там жила когда-то, только нынче разорено все, сказывают, осталась одна пристройка, там и обитает Княжна под именем сестры Марии, так она назвалась сама. Об истинном ее лице знают только немного человек, ты должен будешь ей записку передать с обозначением себя и ваших отношений, тогда она выйдет к тебе. А ежели обман – грех на тебя падет и на весь род твой!

Арсений все еще стоял на коленях, молча поклонился старухе до самых сухих ног ее, поднялся, спросил:

– Что я могу сделать для вас, скажите?

Монашка засмеялась дребезжащим смехом, потом с улыбкой перекрестила свой беззубый рот:

– Да чем же ты, невера, погрязший в земных делах, можешь помочь нам, кто всякое мгновение рядом с Господом? Молись, в этом спасение.

– Спасибо вам, но мое спасение найти ее, без нее не буду жить, не могу.

– Обожди. Дьявол за тобой по пятам ходит, грешные мысли внушает. Сам лишишь себя – Господь не примет душу, тогда и там, на том свете, не встретишь ее. Молись, ибо в Боге сила! Иди!

Он вышел за ворота монастыря и только тут вспомнил, что не спросил, где же находится Чусовская обитель.

«Ничего, найду сам» – и зашагал в сторону тракта.

Небо подернуто обрывками туч, неяркое солнце изредка прорывается в прорехи между тучами, разгоняя земной сумрак и веселя природу. Арсений шел, уверенный, что его ждет

удача, что в скромной монашке с полузакрытым лицом он узнает ту, которая вот уже десять лет живет в его душе и в его измученном сердце.

В назначенное время, в воскресенье, он был в условленном месте, полковник Урманский и еще двое мужчин в простых костюмах, ничем не отличающиеся от публики выходного дня, сидели за столиком и пили пиво. Арсений подошел со своей кружкой, для конспирации поискал глазами свободное место и шагнул к нужному столику:

– Позволите, граждане?

– Вы бы еще сказали «господа». «Позвольте!». Теперь так никто не говорит, теперь говорят: а ну-ка, подвинься!

– Перестаньте ёрничать, Евстафий Евграфович, совсем смутили молодого человека. Арсений, я не буду называть вас по отчеству, понимая, что оно тоже вымышлено. Мы пришли на встречу с вами с единственной целью: определиться, с нами вы или вне нашего движения. Мы, группа русских офицеров, оставшихся в России не по своей воле, здесь, на Урале, готовим переворот, едва ли надо говорить, что подобные группы действуют во всех губерниях. Нам нужны преданные люди. Если вы готовы служить России, включайтесь в работу.

Арсений с недоумением смотрел на пожилых уже людей, нехотя глотающих противное пиво, и с трудом верил в реальность разговора.

– У вас, я вижу, есть сомнения?

– Да, и немалые. Я несколько лет проработал на лесозаготовках, потом на переработке древесины, то есть хочу сказать, что немного знаю истинное настроение так называемых масс. Народ только что начал более или менее нормально жить, с продуктами как-то проще стало, деньги чего-то стоят. Власть ругают потихоньку, но свою, местную, на центральную молятся, вне зависимости от партийности. Боятся или уважают – в нашем случае все едино. Прийти в рабочую бригаду и предложить выступить против власти – да вас сдадут в ту же минуту, тем более, что в каждом коллективе, буквально в каждом, созданы ячейки большевиков. Переворот невозможен, господа.

Урманский заерзал на стульчике:

– Выходит, зря я вам доверился, вы и сами, наверное, готовы нас сдать ГПУ?

Арсений осуждающе на него посмотрел:

– Вы недостаточно знаете жизнь. Наверное, можно вредить на производстве, устраивать аварии, иными словами, исполнять свой долг, но это даже не часть движения к перемене власти. Я убежден, что большевики настолько крепко ухватились за власть, им так нравится править страной, хотя они вовсе не умеют этого делать. Ленин кухарок призывал к руководству государством, и это случилось, большинство начальников на местах не квалифицированней кухарки, но это временное дело, они сильно, напористо работают с молодежью. В жизнь входят молодые люди, совсем не знающие старой России, и они с нами не пойдут никогда.

Один из друзей Урманского спросил:

– Арсений, вы достаточно образованы и подготовлены. Это университет?

– Нет, самоподготовка.

– Давайте, я определю вас в лесное управление инспектором по кадрам, например, а далее посмотрим.

Неожиданное предложение поставило в тупик Арсения:

– Я подумаю над вашим предложением, тем более, что оно совпадает с моим намерением уехать из Ишима, где меня знают и могут разоблачить. Но прежде у меня еще одна миссия.

Урманский спросил:

– Мы можем о ней знать?

– Конечно. У меня есть сведения, что Великая Княжна Анастасия жива и находится теперь в одном из монастырей. Моя задача – найти ее.

Все трое смотрели на него с недоумением:

– Сударь, – заговорил, наконец, третий, до сих пор не произнесший ни слова, – ваша информация совершенно не имеет под собой почвы. У меня на руках копия заключения следователя Соколова, который после освобождения Екатеринбурга от большевиков по поручению Александра Васильевича Колчака проводил расследование, все сводится к тому, что спастись никому не удалось, да и возможности такой не было.

– Может быть, это фальшивка? – упавшим голосом возразил Арсений.

– Голубчик, я служу в таком ведомстве, где фальшивок не держат. Копия подписана лично Николаем Алексеевичем Соколовым, а я с его рукой знаком.

Арсению стало плохо, он вышел изо стола и, наклонившись, убежал в кусты. Чуть отдышавшись, вернулся, извинился и сел на свое место.

– Не имею оснований не верить вам, как и верить, пока сам не получу убедительные доказательства. Мне нужно побывать в Чусовской обители, по легенде (он уже допускал употребление такого слова) там живет монашка, назвавшаяся Анастасией.

– Милейший, по слухам, такие Анастасии живут чуть не в каждом городе и даже за границей. Конечно, очень хотелось, чтобы кто-то из фамилии остался в живых, выбрали Анастасию, она самая юная и, говорят, шустрая была. Вы хорошо знали ее, сударь?

– Да. Я хотел бы ознакомиться, насколько это возможно, с заключением господина Соколова.

Урманский написал на клочке бумаги какой-то адрес, вся компания поднялась и ушла. Арсений, потрясенный новостью, остался за столиком. Вокруг шумел город выходного дня. Гуляли мамаши с детьми, молодые пары, обнявшись, сидели на садовых скамейках, милиционер в белой форме с черной кобурой на ремне регулировал движение редких машин на соседнем перекрестке.

Арсений снова почувствовал себя плохо, он неожиданно осознал простую вещь: дом смерти и святой крови совсем рядом, почему же он раньше об этом не подумал?! Как пройти к печально знаменитому Ипатьевскому дому, боялся спрашивать, и поджидал людей пожилых. Только третий из остановленных подробно описал, как можно добраться, уточнил, что в доме теперь музей революции и лучше о нем так говорить, и еще посоветовал особого интереса не проявлять, потому что всегда есть агенты.

«Опять агенты!» – вздохнул Арсений и пошел в указанном направлении. Через час он был перед небольшим двухэтажным домом с красной вывеской. С ужасом прочитал, что площадь называется площадью народной мести. Он смотрел на окна второго этажа, где жила семья, вот у этого окна она стояла, возможно, протирала по утрам стекла от ночной влаги. Входя во двор, он представлял, как выносили ее тело из подвала, возможно, вот тут она лежала до погрузки в кузов автомобиля. Экскурсия юных пионеров проходила по зданию, и венцом воспитательной работы было посещение расстрельной комнаты. Арсений пошел за детьми, что-то слышал о справедливом возмездии, а сам смотрел на стену, избитую пулями, кирпичная кладка во многих местах была оголена. Его мозг заполнился выстрелами и криками, среди которых он искал Ее голос, но не находил, от запаха крови и пороха у него закружилась голова, и он уже не помнил, как охранник вывел его во двор.

– Чего это ты сковырнулся? Жалко, небось?

– Да нет, после тифа я, а там душно.

– Посиди тут, в сторонке, я на службу пойду.

Арсений осмотрелся. Он сидел на большом камне, видимо, оставшемся еще от строительства дома, рядом с кучей строительного мусора, всего, что вынесли из дома после ремонта, в том числе и из подвальной комнаты. Он обомлел, лихорадочно разгребал битый кирпич и куски штукатурки, что-то искал, еще не понимая, что, наконец, поднял плитку штукатурки, на беленой стороне которой проступали бурые круглые с потеками пятна. Он завернул плитку в платок и быстро вышел на улицу.

По указанному в записке адресу нашел хорошую квартиру, хозяин которой ни о чем не спрашивал, накормил, провел в комнату с постелью и оставил папку с бумагами. Арсений достал плитку штукатурки и положил перед собой на столе.

«Судебный следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. Соколов, 19 марта 1919 года, № 46, г. Екатеринбург.

По имеющемуся в моем производстве делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и членов его семьи…».

Он читал до глубокой ночи, а когда выключил электричество, лунный свет упал на белую пластинку штукатурки, и капли крови ятно выступили на ее поверхности. Арсений закрыл руками лицо и так просидел до рассвета. Когда хозяин постучал в комнату, Арсений вышел, оставив на столе бумаги, отказался от завтрака и пошел в город. Чтобы навсегда вычеркнуть живую Анастасию из своего сердца, сохранив в нем память о нескольких часах, проведенных рядом и о нескольких годах надежд и поисков, ему осталось побывать в Чусовской обители. Он, нервный и чувственный человек, оставался суровым реалистом, когда в диалог вступали документы. Объемная итоговая записка расследования Соколова или протокол – как угодно его называй – был составлен весьма квалифицированно и убедительно. И хотя были мгновения, когда Арсений терял самообладание, оставив бумаги, безутешно рыдал на кожаном диване, он находил в себе силы и возвращался к бесстрастному тексту, который одинаково тщательно описывал детали дороги, места уничтожения тел, оторванный женский пальчик и обрывки девичьих интимных одежд.

В Чусовской обители он оказался не единственным посетителем, несколько старушек, тихонько переговариваясь, поджидали кого-то из-за ворот. Вышла высокого роста старуха, похожая на мужика, густо сказала:

– Вам, сестры, нынче отказано в беседе, приходите на следующей неделе. А ты, молодой человек, чего хочешь?

Арсений уже достал из мешка помятую тетрадку:

– Я попрошу передать записку сестре Марии, она ждет ее.

– Пиши, я потерплю.

«Помните ли вы о флаконе любимых Вами духов, которые я осмелился подарить Вам, а потом Вы вернули их мне как память? Ваш Боня».

Старуха ушла, и скоро в калитке появилась молодая монашка, по самые глаза повязанная черным платком. Арсений метнулся было ей навстречу, но что-то остановило его.

– А почему вы не написали, какие именно были духи? – чужим голосом спросила монашка.

– Это вы должны уточнить, если вы та, за которую себя выдаете.

– Конечно, как могла забыть. Это моя любимая сирень. А вы? Я не помню вас…

Арсений не почувствовал разочарования, он молча поклонился, взял свой мешок и направился к дороге.

Круг замкнулся. Как жить, когда ее нет? Чем питать сердце и радовать душу? Он свернул с дороги в лес, упал на траву и затих. Бессонная ночь, ожидание встречи и горькое разочарование опустошили его физически, он забылся тяжелым сном много пережившего человека. Во сне он видел Лиду и дочку Стану, потом рядом с ними появилась Анастасия, она улыбалась и гладила Стану по головке. Ему сказала: «Не следует обо мне печалиться, мне хорошо тут. Не ищи меня, меня нет там, где ищешь. И девочку эту беру под свой покров».

Арсений проснулся бодрый и сильный, быстро пошел в сторону станции. Сну он не удивился, а обрадовался: ей хорошо, это она сама сказала, и Стану маленькую признала, добрый знак. Значит, и брак с Лидой косвенно благословила. Домой, домой, и к священнику на исповедь, не может человек без веры общаться со святой душой. Только примет ли православная

церковь истинного католика? Ну, это пусть батюшка решает, если надо – приму православную веру, измены тут нет.

С этими добрыми мыслями пришел он на железнодорожный вокзал. Двое не очень молодых, но крепких мужчин, одного из которых он видел вчера в той пивнушке, взяли его под руки и повели в сторону. Арсений сопротивлялся, но хватка у ребят была крепкая, они сели в легковую машину и поехали по вечерним улицам города.

– Вы меня арестовали? За что? Я не совершил преступления, я рабочий человек, – вспомнил он, наконец, спасительную линию поведения.

– Сиди спокойно, там разберутся, на кого ты работал, рабочий человек, – посоветовали из темноты слева.

Его со двора ввели в здание с затемненными окнами, провели коридором и открыли высокую двухстворчатую дверь.

– Товарищ следователь, арестованный Чернухин доставлен.

Тот махнул рукой, сопровождение исчезло.

– Ты понимаешь, где находишься?

– Нет, гражданин начальник.

– Это ГПУ, сюда в гости не ходят, мы занимаемся особо опасными государственными преступниками.

Арсений обрадовался:

– Тогда, гражданин следователь, мне бояться нечего, я для государства кроме пользы ничего не делал.

– Это хорошо, расскажи-ка мне, чем ты занимался в последние годы, где жил, что работал.

Арсений решил сказать, как было на самом деле, ведь все равно они узнают, если еще не знают:

– Живу в Ишиме, но пять лет почти работал на лесозаготовках по комсомольскому направлению. И в тайге работал, и на переработке, на распиловке то есть.

– Образование имеешь?

Арсений знал, что покойный брат Лиды окончил три класса.

– В школу ходил, но не очень тянуло.

– Так. А в комсомол когда вступил?

– Когда в депо смазчиком работал. Пришел человек, мы с ребятами написали заявления и получили документ. По тому документу и в тайгу уехал.

Следователь поддакивал и, кажется, мало интересовался тем, что говорил Арсений.

«Или все знает, или это его не интересует, потому что арест связан со встречей в пивной», – подумал он.

– Нескладно у тебя получается. Молодая беременная жена, работа есть, поросеночка держите, живете дружно, и вдруг ты на пять лет скрываешься, именно скрываешься из города. А жена тебя ждет, замуж не выходит, хотя, извини, по нашим данным, выбор у нее был.

Арсений всеми силами старался сохранить самообладание. Он почувствовал, что именно в эту минуту решается его судьба, ошибись он хоть в слове, хоть в интонации – провал. Откроется не только Урманский, с которым, по большому счету, у него общих дел не было, но откроется перемена имени, подмена недорезанного буржуя на пролетарского парня, да не по существу, а только по форме, а это столько вызовет вопросов, что никогда на них не ответить, и ни один следователь не поверит, что он не враг и не подлежит аресту или даже расстрелу.

– Гражданин следователь, мне скрывать нечего, ведь кроме жены и меня еще и теща была, это не баба, а ведьма, я только от нее убежал, а почему в лес – мастером там работал наш бывший сосед, Слинкин по фамилии. Тоже семья дома осталась, а его мобилизовали однажды, он и остался, бабенку там себе завел, правда, к семье приезжал. Вот он мне и подсказал.

– В Свердловск зачем приехал?

– Работу присмотреть да перебраться.

– После пивнушки куда скрылся?

– Вот по этому делу и рыскал.

– Фамилия Урманский тебе что-нибудь говорит?

– Не знаем таких.

– А в пивнушке сидели за одним столом, разговаривали.

– Верно, сидел, люблю пивко, но в тот раз негодное было пиво, развели, должно быть. И говорили, пиво же пьем, почему не поговорить?

– О чем говорили?

– Да обо всем, эти трое спорили еще, кто в прошлый раз платил.

– И ни одного из них ты раньше не встречал?

– Так точно, не видел и не знаю.

Следователь устало потянулся, собрал со стола бумаги:

– Посидишь в камере, мы твои показания проверим, если что не совпадет, поедешь допиливать тайгу. Если найду хоть что-нибудь из связей с Урманским и компанией – расстреляем. Конвой! В камеру. В одиночку.

Лежа на продавленном душном матрасе, Арсений еще раз дословно вспомнил весь разговор со следователем. Судя по тому, что его поджидали на вокзале, они видели, что клиент подошел с поезда и знали, что вернется. Следили за ним в его поездках по монастырям? Если бы да, следователь спросил бы о причине столь странных маршрутов путешествия комсомольца. Он понимал, что Урманский и другие сидят где-то рядом, контрреволюционная организация раскрыта, и он имеет к ней отношение. Если это откроется, он примет смерть достойно, чтобы достойно встретиться Там с Нею. Ему не казалось странным, что, не веря Богу и не молясь никому, он был уверен, что есть место на небесах, где встречаются умершие, там Она, собирая на обильных лугах любимые свои фиалки, тоже думала о нем и ждала встречи, хотя всем сердцем желала ему спокойной жизни на земле. Тот сон с косвенным благословением дочери он воспринимал как вещий. Еще одной мысли он улыбнулся: дочка стала ему ближе и дороже после видения Анастасии.

Трое суток его не беспокоили, три раза в день с грохотом открывалась квадратное окошко, и на откидную крышку швыряли миску с похлебкой. Арсений брезгливо съедал содержимое и ставил миску на место. Странно, но завтрашний день его совсем не беспокоил, он знал два возможных решения и был готов к обоим. В двадцать шесть лет покидать мир нелепо и грустно, судьба Лиды и маленькой Анастасии заставляли замирать сердце, но он не волен был распорядиться их будущим, и это принуждало смириться. Он заставлял себя думать только о Стане, о встрече с нею, о том странном, незнакомом и непознаваемом мире, в котором она живет, и он будет рядом с нею, в это верил. Арсений возвращался в реальность и она была чужой ему, усилием воли уходил в забытье, жил в Варшаве, в Царском селе, видел издали Анастасию, непременно гуляющую с сестрами, мысленно вызывал ее на разговор, но она, грустно улыбнувшись, качала головой.

Несколько раз Арсений возвращался к записям следователя Соколова, находил в памяти описания отдельных деталей, которые убедили даже его своей достоверностью: пряжка от туфельки, он помнил ее, потому что однажды во время прогулки пряжка расстегнулась, Анастасия поставила ножку на край садовой скамейки, и Боня с волнением застегнул пряжку; бусинка в форме плода шиповника, сестры находили такие бусы безвкусицей, но Стана иногда надевала их; кусок материи по описанию совпадал с тканью ее легкой накидки.

Он настолько погрузился в свои размышления, что не слышал открывшейся двери и вздрогнул от окрика охранника:

– Чернухин, на выход!

В кабинете следователя спиной к двери сидел сутулый, худой человек. Следователь велел Арсению пройти вперед, и тот узнал Урманского, сильно похудевшего, с разбитым лицом:

– Узнаешь ты этого человека?

– Да, – как можно тверже ответил Арсений. – Мы с ним пиво пили за вокзалом.

– А вы, господин Урманский, что можете сказать о молодом человеке?

– Ничего, – спокойно ответил тот. – Или деревенский, или жулик, больно глупо выглядел и говорил.

– О чем?

– Да пустое, про баб, про скверное пиво, пришлось одернуть. Следователь подписал бумажку на столе и протянул Арсению: – Все, что видел и слышал – забудь. Комсомольская путевка твоя оказалась верным документом, она тебя спасла. Свободен, и чтобы через пять минут духу твоего тут не было!

Арсений вышел с черного хода, добрался до вокзала и утром был в Ишиме. Лида уже ушла на работу, Анастасия одна играла дома, закрыв дверь на крючок. На стук она спросила:

– Кто там?

– Стана, открой, я твой папа. – Он выговорил это с трудом, понимая, что такой фразой отрезает путь к прошлому.

– Ну-ка, подойди к окну, чтобы я увидела.

Пришлось выполнять. Приподняв занавеску, девочка вскрикнула: «Папка!» и побежала открывать дверь.

Лида пришла поздно, в летний сезон на стройке объявляли десятичасовой рабочий день. Заплакав от радости и обняв мужа, она наскоро приготовила ужин и сидела напротив его, подперев подбородок руками, с жалостливой улыбкой глядя, как он торопливо ест свежие домашние щи.

– Почему ты ни о чем не спрашиваешь? – обнял он прижавшуюся к нему жену.

– Зачем? – просто сказала она. – Надо – сам расскажешь, а нет, так и знать необязательно.

– Обо мне никто не интересовался?

– Приходили из милиции, я отвертелась, сказала, что не знаю, где тебя черти носят, да и соседи подтвердили, что пять годов не жил, и опять пропал.

– Нам уехать надо бы отсюда, Лида, и лучше бы в деревню, сейчас многие из городов в деревню едут, там жить попроще, да и народ чуть другой.

– Решай сам, Арсюша, а мы уж за тобой, как ниточка за иголочкой.

Он в несколько дней договорился о продаже домика, откопал в поле стеклянную банку под сургучом и старинную семейную шкатулку в пергаментной обертке с бумагами, фотографиями и остатками фамильных драгоценностей. Ночью при свече в бане перебрал документы, сжег наиболее опасные, среди них письма Анастасии, которые помнил до слова, до помарки, до кляксы, остальное крепко связал, уложив во внутрь флакончик фиалковых духов. Духи спрятал быстро, чтобы не тревожить душу, сверток засунул в мешок с другими пожитками, не опасаясь, что кто-то будет его проверять.

Знакомые мужики сказали ему, что в Зареченьке дома стоят недорого, Арсений съездил с ямщиком, который оказался местным, привез его в деревню со странным названием Селезнево, и даже домик помог подыскать: хозяина на повышение отправили в другой сельсовет, вот и случилась нечаянная продажа. Арсений внес аванс, получил расписку, зашел в сельсовет, показал все бумаги, председатель дал добро на переезд.

В деревне ему пришлось начинать все заново, кроме деревянного дела, другого из потребных сегодня он не знал, потому пришел к Савелию Реневу, который держал плотницкую мастерскую.

– Что можешь делать? – спросил он.

– Топор в руках держу, вот и весь навык. – Он опять следил за речью, чтобы не выдать себя каким-то заумным словом, в деревне это быстро заметят. – Но я перехвачу скоро, только покажи.

– Ладно, посмотрим.

Арсений и правда очень ловко перенимал все, чему учили более деловые мужики. Когда хозяин привез станок, который доску строгал, четверть выбирал, красивую фаску мог снять, что дощечку хоть сейчас на обналичку пришивай, Арсений изучил инструкцию и сам настроил агрегат. Ренев втихушку от мужиков дал ему мешок муки и пять пудов картошки. Арсений все принял с благодарностью, как и полагается, хотя ни в чем не нуждался, семейные драгоценности и сегодня имели спрос, еще в городе он продал еврею-аптекарю маменькину подвеску, сережки и кольцо. Этих денег при скромных деревенских тратах им надолго хватит.

Арсений зашел в сельсовет сдать бумажку от ишимских властей, что он по налогам задолженности перед государством не имеет. В большой комнате толпились какие-то люди, он никого в селе не знал, потому пережидал молча. За это время услышал много новостей: что нынешней осенью будет коллективизация, что увезли вчера органы двух мужиков, которые в восстании участвовали, что на днях будут церковь ломать, подбирают добровольцев. Сдав бумагу, он вышел на воздух: «И тут все то же, вся жизнь превратилась в политическую борьбу, человек не интересуется знаниями, книгами, семьей, все на собраниях, говорят и слушают речи, принимают резолюции, которые никогда не исполняются, кроме пунктов о наказаниях. Как жить? А жить надо, Станочку растить и учить». Он тяжело вздохнул и тут же отметил, что научился этому как-то незаметно.

В обеденный перерыв бригадир привел в столярку невысокого коренастого молодого паренька с котомкой за плечами, из которой торчало отшлифованное топорище:

– Принимайте дополнение, председатель сельсовета с ним договор заключил, будет в нашей артёлке.

Пришедший поклонился всем разом, поздравствовался:

– Меня Тимофеем зовут. Плотницкое дело знаю немножко, уж сколько лет работаю по найму.

– А живешь где? – Для местных мужиков странным было, что человек не живет на одном месте, а ходит по найму.

– И по разговору ты вроде не сибирской породы.

– Это верно, самарский я.

– И где это?

– Про Волгу слыхали? Вот из тех краев.

– Чудно! А чё ж ты дома не робишь?

Тимофей достал топор, большим пальцем правой руки потрогал его, как струну перед игрой на балалайке, легонько вонзил в бревно:

– У меня один недостаток есть, который начальству не глянется.

– Тогда понятно. Вино любишь?

– В рот не беру. Но на великие праздники в церковь ухожу на службу.

Он мог бы рассказать, как неплохо устроился при большом производстве на Урале, как уважал его сам директор Иван Фёдорович Винярских, которому он сделал мебель для квартиры и кабинета, что вот-вот должен был отдельную комнату ему выделить в бараке. Директор дал указание строительному мастеру Кузина отпускать по его заявлению в любое время, потому что при сборке мебели в квартире обо многом поговорили эти два разных человека, а когда все закончили и за стол сели, Тимофей от рюмки решительно отказался. «Вот, говоришь, вино не пьешь, а куда же ты пропадаешь на три дня чуть не каждый месяц, мастер жалуется, говорит, надоело отпускать?». И тогда Тимофей признался, что уходит он в город на церковные службы, потому как верующий и грешный человек. Его удивило, что Иван Фёдорович не

засмеялся, не запретил, он только сказал: «Ладно, это твое дело, а мастера я попрошу, чтобы он разговоров вокруг этого не заводил». И все вроде уладилось, но однажды подъехал директор к столярке, подозвал Тимофея: «Плохи наши дела, Кузин, меня в райком партии вызывали, кто-то донес, что я потворствую религии и прочее. Надо тебе уходить, прямо сегодня, взять тебя могут». «А вы как же?». «Как? Буду ждать, возможно, отбоярюсь, если мастер не выдаст. Сейчас буду говорить с ним, а ты собирайся, там ребята оперативные».

– В Бога, стало быть, веруешь? Тогда ты ко времени пришел, с понедельника начинают церкву ломать, вот и пригодишься, – развеселился молодой мужичок, сворачивая в бабин платок остатки от обеда.

– Ваш храм я осмотрел снаружи, он и сорока лет не простоял, красивый, точно такой под Пензой есть, и вот гляди ты, в Сибири его копия. А кто ломать будет, объявились таковые?

Мужики засмеялись:

– Хорошую плату обещают, соблазн есть, только боятся мужики.

– Бога боятся?

– Зачем Бога? Высоты боятся.

На понедельник Тимофей попросился у бригадира бревна шкурить, это в низине у мастерской, оттуда не видно, что станут делать с храмом. Несколько человек целый день ходили вокруг, поднимались на колокольню, пробовали стены ломами и пешнями. Вечером он подошел к церкви, тихонько поклонился и перекрестился, бригада добровольцев сидела кружком и распивала две бутылки водки, выданные председателем в виде аванса.

– Не подскажешь, богомолец, как нам своротить этот опиум? – пьяно пошутил старший.

– Не по себе берете, не вами строилось, не вам и взять.

– Что, думашь, не сломам? Да взрывчатку завтра привезут, так жахнет, что на куски развалится. Велено за ночь по углам ямы вырыть. Бери лопату, участвуй!

Тимофей плюнул и пошел прочь, остановился, поклонился, и только собрался было совершить крестное знамение, как услышал сзади:

– Не поможет.

Обернулся. Мужчина чуть постарше и одетый не совсем по-деревенски, стоял за спиной.

– Ничто уже не поможет, не терзайте душу и не вызывайте гнева народных масс.

– Вы кто? – испуганно и с интересом спросил Тимофей.

– Теперь крестьянин, мы с тобой в одной артели будем работать, я отлучался на денек по своим делам.

– Ты усомнился, что молитва может помочь?

– Церковь эту уже ничто не спасет, потому что советская власть так решила, а она на земле сегодня и Бог и царь.

– А я тебе скажу, что в истории было много событий, когда уже все решено, никто, как ты говоришь, не может помочь, а Господь посылал ангела, и все менялось, потому что без Бога ничто не происходит на свете.

– Интересный у нас с тобой разговор получается. Меня зовут Арсений, а ты Тимофей, мне сказали? Жить-то где надумал? Не отвечай, старуха эта зловредная, я уже успел узнать. У меня во дворе, в ограде, избушка стоит, вполне приличная, можешь занимать.

– А семья твоя?

– Жена и дочь, не бойся, лишним не будешь.

Лида поклонилась гостю и пригласила за стол. Тимофей поискал глазами иконы, не нашел, повернулся лицом к востоку и совершил молитву. Лида и Анастасия с удивлением смотрели на нового человека. Арсений одернул:

– Лида, налей нам по рюмочке. Или ты не принимаешь?

– Отчего же? Если по-доброму, глоток вина даже полезен, ведь вино создано Господом, следовательно, для пользы.

– Ишь ты, а как с пьяницами быть?

– Без меры все противно, и польза становится во вред. Со знакомством!

После ужина ушли в избушку. Тимофею понравилось: чистота, порядок. А икон и тут нет.

– Ты, случайно, не партийный? В Бога не веруешь, хотя крещен, должно быть, да и на службы ходил в старое время.

Арсений смотрел на нового знакомого, и сердце подсказывало, что этот человек не случайно появился в его жизни, что он честный и излишне откровенный, но глубоко нравственный, пусть даже исходя из понятий православной морали. Арсений настолько устал прятаться даже от себя, что появление человека, которому можно верить и с которым можно говорить откровенно о вещах, по сегодняшним понятиям, недопустимых, было ему в радость. Он давно чувствовал потребность поделиться своими переживаниями, Лидочка для этого не годится, она сразу станет ахать и жалеть его, а ему нужно понимание и даже совет.

– Не верую, это точно, хотя крещен, но в костеле, я поляк, католик, а сегодня ни то, ни другое. Была у меня любовь, ранняя, юная, мы почти детьми были, но о чувствах друг к другу знали. Потом нас разлучили обстоятельства, потом случился переворот, семья моей девушки была арестована. Мы переписывались с нею, правда, довольно редко, потому что ее положение не позволяло так открыто проявлять свои симпатии, но когда узнал про их арест, молил Бога спасти их, всю семью, грешен и в том, что соглашался на компромисс, чтобы хотя ее одну спас. Этого не случилось. Несколько лет я надеялся на чудо и искал ее среди живых, но, видимо, чудес не бывает. У нас один Бог, и у католиков и у православных, но он отказал мне в единственной просьбе. Я сказал ему в последней молитве, что отказываюсь более поклоняться, хотя знаю, что он есть.

Тимофей слушал, прикрыв глаза, ничем не мешая говорившему. Арсений замолчал. В наступившей тишине слышно было, как корова жует свою жвачку в пригончике за стеной.

– Ты вступил в спор с Богом, это недопустимо. Господь все видит, он и страдания твои видел, и ее мучения тоже, но так надлежит быть. Народ наш согрешил против Бога, едва появились смутьяны, он в одночасье отвернулся от веры. Это все на моих глазах было. Господи! Кресты с себя сдирали с хохотом, иконы жгли кострами, прости их, Господи, они не понимают, что творят! – Тимофей перекрестился. – Царя отринули, от церкви откачнулись, и вот, пожалуйста, захотели пожить без Бога – поживите. Тут и гражданская война, тут и голод с разрухой, да коллективизация, и это еще не все.

– Что же будет, по-твоему? – с интересом спросил Арсений.

– Будут еще испытания, – уклончиво ответил Тимофей.

– Тогда я тебе скажу. Возникает в мире некая сила, точно не могу сформулировать, но это новая философия, страшная, ненавистническая, по ней на земле должен быть только один народ, славян не будет совсем. Грядет большая война, весь мир будет гореть.

Тимофей с ужасом его слушал и сразу спросил:

– А это тебе кто сказал?

– Признаюсь и в этом. Бывает, что узнаю, как будто всегда знал, такое у меня с детства.

– И сбывается? – уперся взглядом Тимофей.

– Если хочешь, назови это «сбывается», хотя я просто вхожу в новую полосу жизни, известную мне, словно это со мной уже было.

– Вот видишь, дар Божий дан тебе свыше, а ты, недостойный, сомнению подвергаешь святая святых – Господа нашего.

– Давай не будем об этом. Пока. Мы вернемся еще к этому разговору, я все хорошо обдумаю. Вот сегодня ямы копают под церковью, заложат динамит, все взлетит. Заметь, ничьего согласия не спросили, я знаю по документам, что строился храм на пожертвования купечества и крестьян прихода, значит, народом строился. А народная власть разрушает его, не спросив созидателя, сам народ. Как ты это толкуешь?

– Негодная эта власть, мне один чин внушал, что коммунисты от Христа пошли, мол, он был первым коммунистом, потому что радел за народ. Чушь! Маркс ихний придумал коммуну, начали творить дела по всей Европе, во Франции сомустили народ, устроили Парижскую коммуну, на алтаре собора Парижской Богоматери совершили плутонический акт!

Арсений понял, о каком акте говорил собеседник, но поправлять не стал.

– Вот она, ихна мораль! А потом перегрызлись все, и у нас этим же закончится, прости Господи! А ты не боишься, что разоблачить могут, у тебя, похоже, и фамилия чужая.

– Честно скажу, устал бояться, не за себя теперь уже, за жену и дочь опасаюсь. Заберут – пропадут они.

– Ты вот что: попроще говори, разговор у тебя чересчур грамотный, сразу знатко, что не из простых.

– Я понимаю и все делаю, но в разговоре с тобой расслабился, это я понимаю. Ты тоже не очень свою веру показывай, не демонстрируй, они этого терпеть не могут, враз статью подведут.

– Да уж чего хитрого! Под Патриарха Тихона подыскали, а для нас, грешных, у них статеек припасено на долгие годы.

Арсений встал:

– За разговор спасибо, отдыхай, завтра сильно свои переживания не показывай на людях.

К утру в шести местах под фундаментом церкви были вырыты ямы, приехал грузовичок, солдаты сняли шесть ящиков, долго возились, устанавливая их в ниши и соединяя проводами. Ближе к вечеру все было готово, толпу отогнали от церкви подальше, старший громко объяснял, что обломки могут улететь на сто метров. Размотали провод до карьера, из которого при строительстве брали глину на церковные кирпичи, все приезжие спустились в карьер, старший дал команду, крутанули машинку.

Тимофей стоял на бугре и молился, не отводя глаз от храма. Он видел, что солдаты попрятались в укрытие, понял, что скоро конец, через мгновение землю тряхнуло, он увидел, что церковь приподнялась над землей, услышал мощный взрыв, и облако пыли закрыло небо. Тимофей упал на колени, уронил голову на землю и плакал: «Прости нас, Господи, не знаем, что творим!». Поднявшись, он испугался, не видение ли: церковь стояла на месте, он бросился с холма в деревню, подбежал к храму, сдерживая обуреваемые его чувства, смотрел на молнии трещин, порвавшие стены, на оголенные красные кирпичи, как раны на белой штукатурке.

Местное и солдатское начальство материлось и боялось наказания сверху. Председатель сельсовета уже позвонил в район и доложил, что взрыв результата не дал, ему устроили выволочку и пообещали взыскать с его зарплаты стоимость взрывчатки.

– Они мне с матерком сказали: неделя срока, чтобы церкви не было, – жаловался он неизвестно кому.

Так и разошлись, каждый при своем: разочарованные зеваки, убитый горем председатель и довольный Тимофей Кузин, получивший еще одно подтверждение того, что ничто не состоится без воли Божьей.

А уже утром, проходя на работу, он увидел возле церкви очень много народа, все шумят, и только один человек, стоящий на паперти, спокоен и уверен в себе.

– Прекратите орать, – громче всех кричал председатель сельсовета. – Пусть товарищ еще раз объяснит.

– Объясняю. Каждый копает под фундаментом яму на полтора метра глубиной, но подо всем фундаментом, чтобы он провисал, ни на что не опирался. Тем временем напилим толстых бревен, и бревна эти, как опоры, будем под фундамент подставлять.

– Ага! – раздался возглас. – Ты туда подкопался, а она тебя и накрыла. Могилу себе рыть?! Не полезу!

– Уймите его! – уже слезно просил председатель. – Говорите!

– Ничто не обвалится, вы же видели, что на века строилось. Опоры поставили и дальше копаем, опять опора, и так почти до половины церкви. Крепеж должен быть прочным, надо проследить, столбы ставить в два, а то и в три ряда, под всю ширину фундамента, а то и в самом деле беды натворим. Когда все выставили, везде грунт убрали, тогда заваливаем яму сухими дровами, керосином можно сдобрить, и поджигаем по всей длине одновременно. Дрова сожгут опоры, половина церкви зависнет в воздухе и падет сама. Дело верное, промашки не будет.

– Вы бы только знали, какие деньги я ему заплатил за эту выдумку, – опять вздохнул председатель.

– Это не его выдумка, – шепнул Арсений Тимофею на ухо. – Таким приемом еще древние разваливали стены крепостей неприятеля.

– А энтот – кто есть?

– Не знаю, видел где-то, но не могу вспомнить. Ладно, пошли.

Артель собралась, хотели начинать работу, но прибежал старший и сказал, что всем велено идти на церковь, чтоб копать посменно, без перерыва. Тимофей побледнел:

– Братцы, освободите меня от этого греха, я в другом деле отработаю.

Кто-то пытался хохотнуть, но Арсений вмешался:

– Старшой, пусть он тут робит, обойдемся.

Согласились. Тимофей принялся было вязать рамы, но инструмент валился из рук. Он вышел из мастерской и долго молча наблюдал, как до сотни людей копошатся вокруг храма, не поклоняясь, а разрушая его. Десяток подвод возили из леса двухметровые толстые бревна, на месте замеряли размер и отпиливали опору. К вечеру церковь наполовину опиралась уже на временные подставки, председатель торопил, заезжий выдумщик, как прораб, ходил и указывал, где надо усилить опоры. Под алтарем все же полегче, он невысокий и вес меньше, а под основным зданием надо надежно крепить.

– А теперь расширяйте канаву, чтобы дров больше вошло.

Дрова возили со школьного двора, из больницы, от сельсовета, даже по домам в деревне собирали в зачет налогов, поленья укладывали клеткой, чтобы тяга была. Тимофей так и не подошел ни разу, а когда стало темнеть, встал на колени и молился. Внезапно все вокруг озарилось диким пламенем, охватившим храм, керосин пролился к самому основанию, и сухие дрова занялись, языки изуверского пламени лизали стены, церковь терпеливо переносила боль, и Тимофей чувствовал это. Народ отшатнулся от страшного костра и с ужасом многие смотрели на сотворенное ими, многим жутко было, и страх возмездия проник в души. Жуткие тени незнамыми призраками метались по стенам, и каждый видел в них свои страхи.

– Посмотрите кто, опоры занялись или нет? – просил председатель сельсовета, взволнованно бегавший метрах в ста от пожарища.

– А ты сам глянь.

– Если не сгорят, подпиливать полезешь.

– И полезет, ему партейный билет дороже жизни.

– А ты бы не брякал языком-то…

Вдруг раздался хруст лопнувших стен, и восточная часть храма медленно стала оседать, как бы уходя от людей в землю. Грохотом тысяч обломков и облаком пыли, уплывшим в темное ночное небо, простился храм с потомками тех, кто его строил.

Начальство решило вторую часть ронять днем, слишком много страхов нагнало на народ ночное зрелище.

Собрание по образованию колхоза назначили на вечер в школе, народу собралось немного, в основном мужики, курить запретили сразу, потому что до утра дым не выветрится, а ребятишкам учиться надо. О колхозах уже наслышаны, знали, что неизбежно, как осень приходит, как снег валится – жди-не жди – случится, так и с колхозом. Кто похитрее да поумней, хозяйство тихонько спустили с рук, скотину где живьем, где мясом, благо до города пятьдесят

верст, а там базар каждое воскресенье. Инвентарь не так просто сбыть, но и то умудрялись, Степа Каверзнев молотилку гагаринскому колхозу продал и уехал с семьей, даже дом бросил, просил кума присмотреть. Быть или не быть колхозу – это не обсуждалось, сразу стали избирать председателя. Никто не хотел в начальство, тогда партийный секретарь Яша Пономарев предложил Ефима Рожнева, потому что коммунист, в Гражданской участвовал, грамоту знает. Объявили голосование – все подняли руки. Ефим прошел в передний угол, встал к столу:

– Доверие принимаю, будем работать сообча. Только надо бы сначала список составить, кто в колхозе член, а кто просто так пришел, потому что дома делать нечего.

Начали записываться, председатель сельсовета что-то крыжил в своей тетради, после объявил, что не явившиеся хозяева завтра будут доставлены в сельсовет и там напишут заявления.

– А с поселенцами как быть? – спросили из толпы.

– Это которые поселенцы? Никаких, все будут в колхозе.

– А если я, например, не желаю, не хочу в колхоз, тогда как? – в задних рядах встал Тимофей Кузин.

– Тогда из деревни выселим, – весело предложил председатель сельсовета.

– Ну, меня выселять много ума не потребовается, у меня всего хозяйства – мешок с инструментом. Да и права вам такого советская власть не дала. Товарищ Ленин как говорил: «Не мешайте крестьянину, он сам знает, как ему жить».

– Это тебе лично товарищ Ленин на ухо шепнул?

Арсений только сейчас увидел в первом ряду прораба на крушении церкви и только сейчас узнал его: молодчик из ЧК, который за Лидой ухлястывал и из-за которого пришлось ему долгие пять лет скрываться в тайге и на лесообработке. Кто он сейчас, если ведет себя так вольно? Впереди сидящего спросил на ухо:

– Этот уполномоченный из каких органов?

– Из самих органов и есть, начальник милиции он.

Арсений похолодел: «А что, если он Лиду встретил на улице, который день тут болтается? А если меня сейчас поднимут, ведь узнает, как пить дать – узнает, у таких глаз наметан». И тут же крикнул:

– Чернухина запиши.

– Вот это дело, – одобрил Ефим.

Но начальника милиции понесло:

– Как твоя фамилия? Отвечай быстро.

– Отвечаю, Кузин я, только почему вы со мной как на допросе, я ничего противозаконного пока не совершил.

Начальник милиции очень обрадовался:

– Вот именно «пока», потому что такие, как ты, все время подходящее выбирают, только у нас органы для того и существуют, чтобы всю контру предусмотрительно задушить еще до того, как она поднимет голову против народной власти. А что касается допросов, товарищи, то этот провокатор, который пытается сорвать первое колхозное собрание, не видел еще настоящих допросов и не знает, как непримиримы органы к врагам революции и колхозного строя. Сядь, Кузин, я с тобой потом отдельно поговорю.

Стали обсуждать, что будет обобществляться в колхозе.

– Скот весь сгонять не будем, по корове надо оставить в семьях.

– Нет, только там, где дети есть.

– Славно! – Парфен Лазарев встал с места. – У меня три коровы, я две отдаю колхозу, а Димитрий со Степаном по одной имеют, да по куче ребятишек, это дело у них лучше получалось, чем хозяйство вести. Они что принесут в колхоз, кроме вшей с гашника?

Степан подскочил к Парфену сбоку и наотмашь ударил его по лицу, кровь так и брызнула. Поднялся шум, дерущихся свалили, пока разбирались, Тимофей с Арсением отошли в сторону.

– Надо уходить с собрания, этот уполномоченный может меня опознать, – шепнул Арсений.

Тимофей кивнул:

– Ты уже записался, а мне оставаться придется, гляди, как бы с собой не увез.

– На рожон не лезь, ты кого учить вздумал, да еще Ленина вспомнил. Он у них сейчас икона, только Ленина из них никто не читал. Будет нажимать – записывайся.

– Никогда! Да я лучше мученическую смерть приму, чем вере своей изменю.

– Ладно, у тебя понятия чуть сместились, не перечь ему, соглашайся со всем, что скажет, а там видно будет. Придешь домой – стукни в окошко.

На стук он вышел, вместе вошли в избушку, от горячей печки веет теплом, потому уютно. Тимофей был расстроен и молчал.

– Не тяни за душу, рассказывай.

– Про тебя больше не вспоминали, а меня оставил после всех, говорил вкрадчиво, противно, все выведать чего-то хотел. Я ему признался, что якобы от женщины скрываюсь тут, в стороне от дома, и адрес дал и имя указал, Анна ее зовут, под Свердловском, работал я там, если проверит, то все подтвердится, других грехов он за мной не знает.

– Про Ленина больше не спрашивал?

– Как же! Зачем, говорит, ты Ленина приплел, коли сам неграмотный, а я отвечаю, что читать могу, вот изучал труды вождя мирового. А на самом-то деле подсунул мне эту статейку старовер один, вместе мы дома рубили, вот он действительно верил, что Христос был первым коммунистом на земле. Верно, там было написано, что крестьянам не надо мешать вести хозяйство, не помню точно, но смысл такой, что не командуйте мужиком, вот что.

– Тимофей, мужик ты добрый, правильный, но не при же в лоб, не навязывай своего мнения толпе, не повторяй ошибок учителя своего.

– Кого ты имеешь в виду?

– Иисуса вашего, он все твердил о правде и об истине, и чем это кончилось?

– Ты считаешь, что можно поступиться истиной в угоду человеческой слабости? Если я верующий человек и блюду свою чистоту и справедливость для того, чтобы спастись, ты думаешь, можно отступить от заветов, поддаться соблазну, если это выгодно сейчас?

– Я тебя ни в чем не переубеждаю, говорю лишь о разумном, не кичись своей верой, они этого страшно не любят. Ну, скажи, кому легче будет, если тебя шлепнут, поставят к стенке и расстреляют как приверженца церкви и врага советской власти? Душа твоя спасется и будет в раю, но жизнь твоя на земле кончится.

– Там будет жизнь вечная, разве ты, грамотный человек, не знаешь об этом?

– Смею тебе заметить, никто об этом ничего не знает. Вот вспомни Нагорную проповедь Христа, там все правда, все, как и должно быть в человеческом обществе. Он учит: живи вот так, и ты будешь спасен для вечной жизни там. Мне грустно оттого, что христианство воспринимает все буквально, хотя истина прямо на виду: здесь, на земле, наслаждайся трудом, женщиной, детьми, живи во всю широту своей души, но соблюдай заповеди Христа, не делай людям того, чего не хочешь для себя, вот и вся премудрость. Бог все создал, ты согласен? Так пользуйся этим, он же для тебя все это создал!

Тимофей слушал внимательно и проникался все большим отрицанием услышанного, наконец, он не выдержал:

– Ты помнишь, как Сатана испытывал Господа в пустыне, чего только не обещал, с тем, как мы живем, и сравнить нельзя, но Христос ото всего отказался. Во имя чего? Чтобы мы, слабые, могли иметь пример мужества и веры, и не поддавались минутным соблазнам.

– Ладно. Ты вот только что говорил про Анну, насколько я понимаю, ты согрешил?

Тимофей смутился и покраснел:

– На мне грех, не устоял я соблазна, уж сильно хороша она, эта девка. Молюсь, каюсь во грехе, и думаю, что вернусь к ней, вот заработаю на обзаведение и вернусь. У ней ведь тоже одна бедность.

Арсений обнял товарища:

– Прости, я не хотел тебя обидеть, но дискуссия у нас была чисто теоретическая, вот я и привлек пример из жизни, не скрою, что неуместный пример.

Тимофей даже прослезился:

– Да об чем ты, Арсений, я без обиды, Бог простит.

– Давай на покой, завтра на работу, а куда нашу артель теперь определят – неизвестно.

И он тихонько вышел из избушки.

Звездное небо сияло от первых морозцев, его глубина казалась темно-синей, а только что народившийся месяц притаился между звездами, дожидаясь своей полноты и силы, чтобы затмить их, очаровать и оставить потом с тоской дожидаться его нового появления.

Арсений, как только вошел в дом, сразу заметил перемену в поведении Лиды, смятение в ее глазах, излишнее, заискивающее внимание. Она полила ему на руки теплой воды над тазом, он вымыл лицо и шею, тщательно обтерся полотенцем, сел к столу. Дочь тут же угнездилась у него на коленях:

– А к нам сегодня дяденька приезжал на машине.

– Да? Он тебя на машине не прокатил?

– Нет, он маму прокатил.

Арсений отпустил дочку на пол и встал изо стола. Лида заплакала:

– Арсюша, милый, я тебе все скажу!

– Только не сейчас, пусть ребенок уснет.

Они сидели за столом в избе, Стана в горенке спала на кроватке за печкой, самое теплое место.

– Арсюша, Форин приезжал, помнишь, тот из органов, что цеплялся ко мне в Ишиме, он теперь тут служит, в районе, начальником милиции.

– Это я знаю. Что он хочет? – Арсения била мелкая противная дрожь.

– В сельсовет меня увозил, говорит, надо документы посмотреть. – Она замолчала.

Арсений спокойно предложил:

– Продолжай. Проверили вы документы?

Она рухнула перед ним на колени и завыла в голос:

– Убей меня, родной мой, ради тебя грех взяла на душу, он так и сказал, что все про тебя знает, если откажусь – посадит тебя.

Он охватил голову руками и так сильно сжал ее, словно боялся, что она может не выдержать вскипевшего в ней горя и оскорбления. Господи, да разомкнется ли этот круг, по которому окаянная власть гонит его, унижая необходимостью скрывать свое имя, скрывать ум и знания, вздрагивать при каждом незнакомом человеке, любить одну, а жить с другой женщиной, вглядываться в личико своего ребенка и видеть в нем другие черты, и все чего-то ждать, хотя ум и опыт уже учили, что ничего хорошего в его жизни не произойдет. Арсений унял волнение, с трудом спросил:

– А дальше что будет? Знал я, что в мое отсутствие вы встречались, потом он тебя потерял, видно, не очень искал, теперь вот встретились, и ты подумала, что своим грехом ты можешь спасти меня? Удивительно, что он не арестовал меня уже сегодня, чтобы ночевать с тобой в постели, а не на стульях в сельсовете. – Он поднял руку: – Не говори ни слова, внимательно слушай меня. Я сейчас уйду и уйду навсегда. Меня посадят, если не расстреляют, искать тебя не буду. Анастасию береги. Деньги ты знаешь где, расходуй экономно. Настигнет нужда – поедешь в город, найдешь аптекаря Гольдфреда, запомни фамилию, он поможет, часть моих

средств у него. В Стане твое спасение, не потеряй ее, во всех смыслах – не потеряй. Повзрослеет, скажи, что первая дочь ее и всех потомков должна носить имя Анастасия. Запомни это: Анастасия, Стана.

Он прошел в комнату, опустился перед кроваткой на корточки и долго смотрел на спящее дитя свое. Встал, взял с этажерки ножницы и аккуратно срезал локон детских волосиков, завернул в платок и положил в карман рабочей куртки. Быстро собрал вещи, бросил в мешок, остановился у порога:

– Прощай, Лида, не от него ухожу, а от тебя, и помни мой наказ про Стану.

Лида метнулась было к нему, но он уже закрыл за собой дверь. В избушку Тимофея постучал тихонько, чтобы не напугать.

– Кто? – услышал он резонный по нынешнему дню вопрос.

– Это я, Тима.

В одном исподнем стоял тот перед ним со свечой в руках и показался исповедальником, пришедшим, чтобы услышать и простить грехи его от имени Господа, но он прогнал эту заманчивую мысль – исповедаться другу своему.

– Дело скверное, Тимофей, начальник милиции Форин, который с тобой говорил, старый мой знакомый и даже соперник, можно сказать, он знает мое истинное прошлое. Ради свободного доступа к Лиде да и во имя революционной законности он ни дня не оставит меня на воле. Потому я ухожу. Ты решай сам, как быть. Если спросят – я ушел не попрощавшись.

– Да куда же ты пойдешь, ведь они везде, в каждой дыре сидит по Форину. Слушай, Арсений, добирайся до Свердловска, там, в Полевском, найдешь заведующего больницей, его зовут Василий Алексеевич, скажешь, что я направил. Он работу даст и приют, а потом оглядишься. Может, и мне сразу с тобой?

Арсений качнул головой:

– Не надо, так нас быстро найдут. Весной приезжай, если захочешь. В саду под грушей с восточной стороны закопан сверток в пергаменте, там бумаги и еще кое-что, когда соберешься, ночью отроешь. Об этом даже Лида не знает. Найди к тому времени фотографа, карточки мне с Анастасии привезешь. Ну, прощай, брат.

– До встречи.

Они обнялись.

В ту июньскую ночь над Вакориным прогрохотала такая гроза, какой не помнили даже старики. Отдельно стоявшие березки в придеревенском лесу, где обычно брали веточек на первые свежие веники, подломило и обобрало с них молодой лист. Всю воду домашнего озера подняло и согнало к устью Кашинского лога, устье расперло напором стихии, и оно расшаперилось, разомкнуло берега, пропустив озорную, буйную воду в Нижнее болото. Стога сена только тем и спаслись, что спрятались в лесу, сам лес выстоял, потому что стеной стоял гибкой, местами гнулся, но нигде не сломался.

Василий, объезжая окрестности верхом на отцовской бригадирской лошадке, больше всего был удивлен способности леса, огромного массива слабосильных березок и осин, устоять против такого напора. Даже вода не устояла, а он устоял. Приехал домой, рассказал отцу.

– Хорошо, что сена сохранились, видно, по-хозяйски уметаны стога, молодцы, мужики.

Колхозная жизнь летом не замирает ни на один день, потому что скотина и по выходным кормится, и в праздники надо коров доить, а мужики где с техникой, где вручную стараются сенов заготовить поболе, чтобы зимой не заглядывать на сеновал: а хватит ли до зеленой травки?

Вечером из Копотиловской МТС приехал нарочный по заданию райкома, по случаю непогоды приехал верхом, без седла, с непривычки кое-как слез с лошади и нарасшарагу поковылял в правление. Первого, кого встретил, отправил за председателями колхоза и сельсовета,

а заодно и весь народ скликать на митинг. Собрались быстро, нарочный велел вывесить над крыльцом правления красный флаг, толпа похохатывала над Митей Грязненьким, который три гвоздя согнул, пока палку приколотил к балясине.

Нарочный дождался, пока все успокоится, и снял кепку:

– Товарищи! Меня направил к вам районный комитет большевиков, чтобы сообщить важное сообщение: сегодня утром фашистская Германия напала на нашу страну. Это война, товарищи, а не провокация. Партия призывает всех граждан к соблюдению порядка, объявлена мобилизация, повестки привезут в сельсовет.

Стон прошел по толпе, как будто умер внезапно кто меж людей. Переглядывались мужики, бабы начинали выть, выпуская сдавившую сердце боль, и был этот плач русских баб тошнее для мужиков, чем объявленная война, завтрашняя мобилизация и даже возможная смерть в бою, потому что так оплакивают только необъемное горе. Так вдовы воют на кладбищах, так по деткам утраченным воют, и плач этот страх должен нагонять на врагов, потому что не только горе в нем слышится, но и отмщение, и проклятье, и кара Господня.

– Обождите, товарищ уполномоченный, у нас с Германией мирный договор. Как она могла его нарушить? – возмутился старичок Евлампий Сергеевич.

– Не могу сказать, товарищ, инструкции не было.

– А ты чего от фашиста ждал? – крикнул Ганя Корчагин. – Мира? Он всю Европу на лопатки положил, а мы с ним все хаханьки устраивали, вот и доигрались!

– Товарищ! Товарищ! Прошу без провокаций! – испугался нарочный.

– Да какая там провокация, когда враг на твоем огороде каштует, – сжался Ганя.

Фёдор Кныш поднялся на крыльцо:

– Похоже, мужики, всем боеспособным надо бы сухарей подсушить, дома все подобрать, крышу перекрыть или прясло подладить. Неизвестно, сколько мы с ним провошкамся, это только в песне про пядь земли, а если он внезапно начал, значит, готовился, как следует, значит, танками сотни верст может в сутки делать. Ну, это поправимо, нам только подпоясаться… Завтра на работу все, как штык, будут повестки – нас знают, где искать.

– Федя, брагу заводить на случай… – начала было Татьяна Петровна.

– Какая брага, когда на повестке уж чернила подсыхают. Даже и не придет, сам поеду в военкомат.

– Ты что, Федя? А ребятишки?

– А страна? – в тон ей возразил Фёдор. – Попрячемся за болотами да за рямом, авось, не найдет немец, так, что ли? И такие разговоры прекратить! Я коммунист, и Васька вот подрастает, я подозреваю, что ему тоже достанется от трудов моих и тут, в колхозе, и там, на фронте.

– Папка, а в школу не ходить? – спросил Василий.

– Другая школа начинается, сынок. Завтра переговорю с председателем, чтобы подыскал тебе дело по силам, все-таки ты у нас грамотей.

Повестки за неделю выхватили всех работоспособных мужиков. Газеты приходили на третий день, и новости за нездоровым оптимизмом просматривались угрожающие. Враг пер на Москву и Ленинград, стремился к Сталинграду и Кавказу. Райкомовская инструкторша привезла указание избрать председателем колхоза Дарью Зноенко, та со слезами отказывалась, потому что малограмотная, кое-как фамилию выводит.

– Этого достаточно, главное, чтобы колхоз работал, – подытожила инструкторша.

Дарья пришла к Кнышам:

– Вася, айда в колхоз счетоводом, я же ни одной бумажки не знаю.

– Тетка Дарья, какой из меня счетовод, я и колхозных документов в глаза не видал.

– Не скажи, Василий Фёдорович, у тебя семь классов за плечами. Короче говоря, завтра выходи, как Филимоновича забрали на фронт, так все бумаги и лежат.

Деваться некуда, вышел, потому что поздно вечером закрепить аргументы Дарьи пришла председатель сельсовета Фёдора Унжакова:

– Ты, Василий Фёдорович, не ломайся, принимай дела, а то знашь как: «по законам военного времени», – и она угрожающе подняла палец. – Да и мне подскажешь, что к чему, у меня ведь тоже кроме партбилета один ликбез, – уже примиряюще улыбнулась она.

Новому колхозному счетоводу Василию Фёдоровичу только что исполнилось шестнадцать лет.

В ночь на двадцать второе июня красноармеец, курсант школы ковалей, или, как ее называли солдаты, конской школы, Тимофей Кузин был в наряде. Его пост – угловая вышка, под которой склад с конской сбруей и сарай с телегами, но все равно пост, проверяющий приходил, «Стой, стрелять буду!» приходилось кричать, хотя ходил всегда один и тот же старшина школы Шевчук. С вечера было тихо, совсем безветренно, но для приволжской степи это обманчивая тишина, в любой момент может рвануть ветер, и тогда пыль взовьется столбом, дикие вихри поднимут засохшую степную траву, сломленные кустарники и долго будут кружить их над степью, пока надоест, а потом бросят где попало. Ближе к полуночи с запада потянуло прохладой, потом только что светлое небо накрылось тучей, да и не туча это, а сплошной низкий морок, и надвигался он на Тимофея, одиноко стоящего посреди земли, угрожающе и с напором. Скоро смена караула, хоть бы не началась буря, а то бежать через весь плац до казармы под ливневым дождем, а у него и плащ-палатки с собой нет. Тьма закрыла уже половину небосклона, когда по границе ее засверкали далекие молнии, как зарницы, и громы свалились на неожидавшую их землю, ударясь о нее и раскалываясь на мелкие раскаты.

Тимофей крестился при каждой вспышке неба, приговаривая: «Спаси и помилуй, Господи Иисусе!», хоть и оглядывался, не появился старшина Шевчук, который на днях предложил курсанту Кузину вступить в партию большевиков. Тимофей знал, что категорически отказываться нельзя, потому сослался на малообразованность, а вечером политрук Илющеня забрал у него все конспекты, через полчаса пришел, швырнул их на кровать и грозно спросил:

– Кузин, ты зачем врешь, что малограмотный? Судя по конспектам, врешь ты сознательно, потому что не хочешь в партию вступать. А теперь объясни мне настоящую причину.

Кузин замялся:

– Вы бы мое личное дело посмотрели, товарищ политрук, я же сидел по нехорошей статье.

– Видел, даже запрос делал, отсидел ты правильно, потому что нельзя местную власть игнорировать, но тебя же освободили, значит, перевоспитали, осознал, значит, свои заблуждения. Служишь ты исправно, хоть и не со своим годом. Ты с какого?

– С тринадцатого. Нынче демобилизация.

– Ну, с демобилизацией пока вилами по воде. – Илющеня кашлянул: лишнее сказал.

– Все-таки будет война, товарищ политрук?

– Ты такие вопросы только себе можешь задавать и то темной ночью под одеялом. Товарищ Сталин верит Гитлеру, значит, есть основания. Наше с тобой дело быть в боевой готовности, конную тягу артиллерии обеспечить. И о партийности подумай, в случае демобилизации никаких проблем с трудоустройством не будет.

А небо играло в свою игру, словно забавляя одинокого солдата. Молнии сжигали черноту, освобождая знакомые звезды, дождя так и не случилось, а ветер побаловался чуток и тоже перестал. Черное покрывало скатывалось к горизонту, и на душе Тимофея стало посветлей, он благодарил Бога за зримый показ ему своего могущества, а потом вспомнил слова священника Тихона: ничто ни в небе, ни на земле не происходит без его желания или разрешения, и, если человеку дано это видеть, то он должен понимать, что хотел внушить ему Господь. «Ведь нас так много на свете, чад его, и как пастух не может знать всех овец в стаде и каждой говорить, куда ей пойти, какую травку кушать и какой водой утолять жажду, так и Пастырь небесный не

может говорить с каждым, такая слава снисходила до редких праведников, мы же, в лучшем случае, можем видеть знамения Господни, когда он соблаговолит подать знак людям, что он недоволен родом человеческим и грозит послать свою кару».

«Если мне выпало видеть это явление чудесное, то и понять мне надо его самому, потому что к политруку с такой загадкой не пойдешь. А не явил ли Создатель черное нашествие с западной стороны, и не предупреждает ли тем, что война скоро случится, что до середины неба и земли нашей дойдет черная сила, а потом пошлет Господь Илью Пророка с воинством, и возвоссияют священные молнии, и ударят громы, и сгорит вся чернь в рукотворном и нерукотворном огнище».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.